

Выражи ЛЮБВИ

ИСПОВЕДЬ СЕРДЕЦ

амадеус
амадеус роман

ВЛ № 7

Счастье проживает
по соседству
Горькая лаванда

Камилла никак не может прийти в себя после трагической гибели мужа. Махнув рукой на свою жизнь, она углубляется в тупую монотонную работу. И даже не замечает повышенного внимания к своей персоне со стороны симпатичного соседа.

А Пит не видит ни растрепанных волос, ни заляпанной одежды Кэм. Он находит путь к ее зачерствевшему сердцу — подсовывает ей несчастного лохматого пса, а потом и брошенную блохастую кошку, которым живется гораздо хуже, чем ей...

Каждый месяц Боб Макдагл мог ожидать бунта. И каждый месяц его дурные предчувствия оправдывались.

Менялись только формы протеста. Выражение же лиц его тринадцатилетних сыновей оставалось без изменения. А оно означало только одно — непреклонную решимость идти до конца. Не уступать ни на йоту.

Конечно, с подростками всегда нелегко, тем более с близнецами. Но главная трудность состояла в том, что Син и Саймон были копией его самого.

— Слышь, пап! Ты просто не понимаешь, в чем суть жизни без женщин. В том, что мы можем делать, что хотим! — заявил Саймон, очевидно, беря на себя роль предводителя.

Боб, не обращая внимания на слова сына, всучил ему швабру и тряпку. Син, как две капли воды похожий на брата, только с непослушным вихром на лбу, постарался незаметно отвалить от пылесоса.

— Пап, ты чё, не въезжаешь, что это значит? Нам не надо есть овощи и всякую муру. Не надо бежать с каждой тарелкой в мойку, пока в шкафу полно посуды. Не надо снимать сапоги на крыльце. И вообще можно жить, как нравится!

Маневр не удался, и Син снова заполучил в руки шланг пылесоса.

— Ты же сам говорил, что у нас должно быть собственное мнение, разве нет? — не сдавался Саймон. — Так вот, по нашему мнению, глупо тратить время на всякую ерунду вроде уборки, если уж подфартило пропустить школу. Да здравствует пурга!

Син снова выпустил из рук шланг:

— И вообще, зачем убираться? Все равно завтра станет так же грязно. Да и чего плохого в грязи? Мне она нравится. Саймону тоже. И деду. Ты единственный...

— Грязь отпугивает женщин, как витамин заразу, — подхватил Саймон.

— Все, хватит! — Боб уже еле сдерживался. — Заткнитесь! Если не желаете до конца своих дней сидеть под замком, живо за пылесос и швабру! Ковры вычистить, полы помыть! И главное — ванна. Она заросла, как пруд. И воняет. Шевелитесь!

— Я не буду чистить ванну, — повернулся к брату Син.

— Я, что ли, буду?

Боб повысил голос:

— У нас две ванны! И обе наверху! Шагом марш! Полотенца и грязные шмотки — в стирку!

Результат его приказаний не заставил себя ждать. Син получил ведром по голове, а Саймон щеткой в бок. Дом огласили визг и вой, словно в гостиной дрались два кота.

— Можете орать сколько угодно. Что должно быть сделано — будет сделано, даже если провозитесь всю ночь! Иначе придется вас выдрать!

Мальчишки отлично знали, что отец вряд ли поднимет на них руку, но угроза возымела свое действие, и они совсем уж было собрались взяться за дело. Однако в этот момент на верхней площадке лестницы появился Макдагл-старший. Он тяжело опирался на палку и день ото дня выглядел все более дряхлым, но на него всегда можно было рассчитывать. Дед, как и близнецы, терпеть не мог женщин и всегда защищал Сина с Саймоном от бессердечного, жестокого и немилосердного отца. Близнецы с надеждой обратили к деду взоры, но Боб опередил их:

— Ни слова, отец! Я сыт по горло этими ежемесячными баталиями. Дом похож на конюшню. Так что держите свои ценные мнения при себе — и за работу!

Дед с внуками покорно исчезли, но что из этого выйдет, будет ли дом блестеть чистотой или превратится в руины... Скоро сверху раздались вопли радио, а потом включенный на полную громкость телевизор заглушил рев пылесоса.

Боб тряхнул головой. Он едва не пропустил звонок в дверь. Вернее, не сразу сообразил, что это звонок. В такую пургу ему как-то не пришло в голову ожидать чьего-либо визита.

Боб открыл дверь, и снежный вихрь ударил ему в лицо.

— Боб, можно попросить тебя об одолжении?

— Ну конечно! Заходи, Виолетта.

Снежный призрак оказался одной из сестер Кэмпбелл. Собственно говоря, Кэмпбеллы и Макдаглы были связаны многими поколениями. Один и тот же корабль прибил их предков к берегам Новой Англии. Выходцы из Шотландии, Макдаглы производили на свет преимущественно сыновей, а Кэмпбеллы — дочерей. Соседи очень дружили. Боб рос с тремя сестрами Кэмпбелл, а с Виолеттой даже учился в одном классе.

— Эй, пап, я... — Син отпрянул назад, заметив женскую фигуру в дверях. — Здрасьте, мисс Кэмпбелл, — сквозь зубы изрек он.

— Привет, Син, — как ни в чем не бывало бросила Виолетта.

Син мгновенно исчез. Пылесос замолчал, умолкли радио и телевизор, и в доме воцарилась тишина. Боб знал, что детей настораживают их отношения с Виолеттой. В школе она была нормальной девчонкой, но когда пару лет назад, после развода, вернулась домой, в ней явно произошли какие-то изменения. Вот зачем, например, сейчас, в пургу и непогоду, она явилась к ним в дом, да еще в изящных сапожках на шпильках, с серьгами чуть не до колен и в тонком сиреневом жакетике? Таких дам сыновья на дух не переносили. «Упакованная» с ног до головы, Виолетта повергла в панику все мужское население фермы Макдаглов.

Но не Боба. Как можно испытывать трепет перед той, с кем сидел за одной партой? Можно, наверное, влюбиться в одноклассницу, но не всерьез и не надолго.

— Заходи, Летти, чего стоишь! Давай-ка кофе. Может, и не больно-то вкусный, зато горячий и крепкий. — Боб осекся, бросив взгляд на ее застывшее лицо. — В чем дело? Что-то случилось?

Виолетта нервно сдернула перчатку с руки. На пальцах сверкнули дорогие кольца.

— Похоже, с Камиллой большие проблемы. Мне надо на пару дней в Бостон.

Боб с трудом перевел дух. Виолетта была ему почти сестрой, но Камилла, их младшая, — совсем другое дело!

— Я слышал, у нее все наладилось. Нет? Могу я чем-то помочь?

— Ох, Боб... Я жутко боюсь ехать в такую непогоду, но что делать... Речь не обо мне. Придется бросить оранжереи и кошек. Как они без меня...

— Не бери в голову, я о них позабочусь.

— Температура в оранжереях не должна опускаться ниже...

— Летти, я не в первый раз остаюсь за тебя. Я знаю, за чем надо следить.

Боба разозлило, что она просит его, словно чужого. Не один десяток лет в случае нужды Макдаглы присматривали за хозяйством Кэмпбеллов и наоборот. Да и вообще, в Белых Холмах было само собой разумеющимся помогать соседям.

— Давай, заходи, ветер холодный. Вот так. Ну, что там у вас случилось? Я думал,

Камилла уже вышла из больницы. Конечно, все это ужасно, но прошло уже несколько месяцев с тех пор, как ее муж погиб.

Виолетта перешагнула через порог и тяжело вздохнула:

— Они и года не прожили вместе. Милл с Робертом так любили друг друга!

— Да, я слышал.

Бобу казалось, что надо срочно что-то придумать, чтобы Виолетта всерьез не расплакалась, но слова утешения никак не шли на ум. В голове мелькали бесчисленные картинки прошлого, и... лицо Камиллы.

Она была на пять лет младше их с Виолеттой, и в те далекие времена у них было мало общего. Милл просто бегала хвостом за старшими сестрами. А вот на ее свадьбе Боб с удивлением увидел не сопливаю пацанку, а очаровательную молодую женщину. По уши влюбленная в своего жениха, в белой пене свадебного платья, Камила прямо светилась от счастья. На ее губах блуждала таинственная, многообещающая улыбка, а в глазах плясали озорные чертики...

Боб должен был себе признаться, что всегда питал к Камилле слабость, даже больше, чем слабость, но тщательно скрывал это. Поначалу потому, что она была совсем малышкой, позже стало как-то недостойно заглядываться на чужую невесту. Когда же Боб узнал о разбойном нападении, то почувствовал легкий укол совести, оттого что испытал облегчение: убили не ее.

— Соседи говорили, что она оправилась, — проговорил Боб, чтобы заполнить неловкую паузу.

— Не совсем. Да и как она могла бы, после того, что эти подонки с ней сделали! Столько переломов и травм... А лицо Милл, на что оно было похоже! — Губы Виолетты предательски задрожали. — И потом целую вечность на больничной койке...

— Но вроде бы она уже на ногах, — поспешил вставить Боб. — В чем же дело? Рецидив?

— Все гораздо сложнее, — проговорила гостья. — Поначалу она звонила нам чуть не каждый день. И вдруг замолчала. Отключила телефон. Я связалась с ее соседкой, а та и говорит, что Камила бросила работу, заперлась в квартире и никуда не выходит. Почта вываливается из ящика. Эта дама испугалась, не случилось ли чего, может, врач нужен, постучала к ней... Но Камила наорала на нее из-за двери и послала к черту.

— Не может быть! — Боб ушам своим не поверил. Камила всегда была жизнерадостным существом, беззлобным и не подверженным перепадам настроения.

— Я думаю, дело в процессе над этими подонками. Боб, ее после этого как подменили, — заметила Виолетта.

— Разве их не осудили?

— Осудить-то осудили, да приговор был не слишком суров. И это еще слабо сказано! Они убили Роберта, искалечили Камиллу, а получили всего ничего. Семь лет, но вот увидишь, не пройдет и трех, как они выйдут. Судья дал самый малый срок по смягчающим обстоятельствам.

— Чего? Какие еще обстоятельства?

— Во-первых, у них не было раньше ни судимостей, ни приводов в полицию. Во-вторых, они накололись какой-то дурью и не знали, что наркотик был с примесью. Из-за чего, как показала экспертиза, находились в психотическом состоянии и не могли отвечать за свои поступки. Так решил судья. Я отсидела все заседания. А когда с месяц назад огласили

приговор, мы просто дар речи потеряли. Камилла была вне себя. С тех пор она никому и не звонила. — Виолетта стала натягивать перчатки.

— Летти, немедленно заведи ее домой!

— Именно это я и собираюсь сделать. Упакую ее вместе с багажом и приволоку на ферму, как бы она ни сопротивлялась.

— Если будет отказываться, позвони, я помогу.

— Спасибо, Боб. Судя по словам соседки, проблема в том, чтобы попасть в квартиру. Ну, тогда я вызову Дэзи!

— Она же во Франции!

— Ну и что? Прилетит первым самолетом, как тогда, когда все случилось. Мы с ней по очереди сидели у постели Камиллы... Но сначала посмотрю, может, справлюсь сама.

Виолетта открыла входную дверь. Резкий порыв ветра чуть не сшиб ее с ног, но она, казалось, этого даже не заметила.

— Дэзи — это то, что надо! Она любит командовать, не терпит возражений и быстро приведет Милл в чувство.

Боб невольно улыбнулся, вспомнив старшую Кэмпбелл. Не в силах больше видеть, как Виолетта дрожит на ветру, он поспешил напомнить гостье о цели ее визита.

— Ах, да! — Виолетта протянула ему ключи от дома и оранжерей, не преминув все-таки дать последние указания о лавандовых побегах, о кошках и плохо закрывающейся задней двери.

Через несколько минут Боб увидел, как по заснеженной дороге отъехал ее автомобиль. Он постоял немного у окна, и его мысли снова обратились к Камилле.

Боб потер рукой подбородок. Конечно, надо бы подробнее расспросить Виолетту. С тех пор как Милл уехала в колледж, он видел ее всего раз, на свадьбе. Хотя нет, еще раньше, на похоронах родителей. Он почти ничего не знал о ней. Разве можно лезть в чужую жизнь только оттого, что испытываешь к человеку интерес? Да и узнай он больше, что бы это дало? Бывшая супруга преподала Бобу наглядный и памятный урок о его умении обращаться с женщинами. Она отняла у него все, оставив только сыновей.

Сыновья — вот его отрада. Они заняли все его время, не оставляя ни минуты на то, чтобы упиваться собственным горем. Бывали моменты, когда жизнь отца-одиночки превращалась в настоящий кошмар. Виолетта помогала Бобу, чем могла, не обращая внимания на откровенную враждебность мальчишек. Она отличный друг, добрый школьный товарищ, свой парень, всегда готовый протянуть руку. А Камилла... Страшно пережить такую трагедию в ее возрасте. Мысль о ее страданиях кольнула Боба в самое сердце.

— Эй, пап! — Саймон, того и гляди, сломает себе шею, перегнувшись через перила верхней галереи. — Мисс Кэмпбелл отчалила?

— Да.

— Пап, чегой-то с тобой? — Рядом повис Син. — Ты не заболел? Даже не выругал Саймона.

— Отвяжитесь, — отмахнулся Боб. Не разразившись громкой руганью, он, правда, дал слабину, чем тут же воспользовались сыновья.

— Мы больше не будем убираться, — заявил Син.

— Да, мы бастуем. И дед на нашей стороне. Так что — трое против одного.

— Ах так?

Может, Боб и разочаровал свою бывшую жену, но уж сыновей он разочаровывать не

станет! Он выкинул из головы мысли о Камилле и выдал мальчишкам по полной программе то, чего они от него ожидали.

Стук в дверь поверг Камиллу в панику. Но она тут же одернула себя: для страха нет причин. Она в безопасности. Прошло три недели, как Виолетта привезла ее на ферму. Нечего пугаться малейшего шороха или движения.

— Милл! Милл, ты там? — раздался настойчивый голос Виолетты.

Камилла не произнесла ни звука и не двинулась со старого кресла-качалки, стоявшего в дальнем углу комнаты. Когда-то мама выбрала для нее редкое имя, полное красоты и романтики. Может быть, раньше оно и подходило ей, но не теперь.

За последние месяцы молодая женщина очень изменилась. Она стала не просто злой, а злобной, грубой и нетерпимой.

— Ладно, дорогая. Я оставлю ленч на веранде, но к обеду жду тебя дома. — В голосе Виолетты было столько заботы и терпения, что Камилла охотнее всего открыла бы дверь и отвесила ей хорошую затрещину. — Общаться со мной не обязательно. Можешь вообще ничего не говорить. Но если не придешь, я позвоню Дэзи.

Камилла приоткрыла глаза. Под ложечкой странно заныло. По большому счету ей было плевать на всех, но заполучить себе на шею еще и старшую сестрицу с ее командирским тоном и вечными поучениями — этого она уже не вынесет!

Камилла с тяжелым вздохом поднялась с кресла. Дождь хлестал по грязному стеклу, которое и в ясную-то погоду не пропускало ни луча света. Но зажигать лампу не хотелось.

Последние недели Камилла жила как во сне, и теперь смутно припоминала, как Виолетта ворвалась в ее комнату в Бостоне, где она лежала, сжавшись в комок, на кровати. Сестра трясла ее за плечи, шлепала по щекам, немилосердно ругалась, а потом засунула вещи и саму Камиллу в машину и примчала сюда, в Вермонт. Какая была тяжелая дорога по пурге и метели, как разъярена была Виолетта, которая не могла смириться с тем, что Милл не хочет жить в доме, где выросла... В добротном, просторном двухэтажном доме. Все же Камилле удалось убедить сестру, что ей будет удобно в старом коттедже за сараями, в дальнем углу сада.

Хорошо ей здесь, конечно, не было. Да и где ей сейчас могло быть хорошо? Но покосившийся, почти не пригодный для жилья домик как нельзя лучше подходил для того, чтобы спрятаться от мира. Именно это требовалось Камилле в ее теперешнем состоянии.

Камилла пробралась через коробки и чемоданы, занимавшие почти всю комнату, к старинному дубовому комоду. Она так и не распаковала свои вещи. Да и зачем? Ей ничего отсюда не нужно. То единственное, в чем она сейчас испытывала нужду, хранилось в портфеле, заботливо пристроенном на комод. Когда-то он был заполнен папками с договорами и маркетинговыми исследованиями, каталогами и рекламными проспектами. Теперь кейс представлял собой мини-бар.

В стройных рядах бутылок уже виднелись зияющие прорехи, но этого было явно недостаточно, чтобы привести Камиллу к намеченной цели. Она с отвращением оглядела свою коллекцию. Так, ликеры в расчет не идут. Мерзкая липкая сладкая дрянь... Так, водка, скотч, джин... Текила! Вот что ей нужно! Камилла отвинтила крышку, хлебнула и... принялась ловить ртом воздух, как рыба, выброшенная на песок. Из глаз хлынули слезы, а глотку перехватило огненным обручем.

Да, вряд ли ей удастся стать алкоголичкой. Ничего, немного передохнет и попробует

еще раз. И еще. Камилла отставила бутылку и проковыляла к креслу. Ничего. Если с выпивкой выйдет неудача, она попробует разрушить себя другим способом.

Некоторое время назад Камилле казалось, что она хочет только одного — умереть, а потом вдруг обнаружила, что кое-что в ней очень даже живо и требует выхода. Ярость. Неутолимая, неистребимая ярость.

Коттедж когда-то построили для прабабушки, которая хотела дожить свои дни в тишине и покое. Здесь были одна гостиная с огромным камином, спальня, маленькая кухонька и ванная. Камилла не стала утруждать себя обустройством жилища и спала прямо на голом матрасе и подушке без наволочки, под старым лоскутным одеялом. Пол, заставленный чемоданами и коробками, давно не подметали, по углам висела паутина, а в окна не могло заглянуть даже солнце.

Что касается ее самой, она уже и не помнила, когда в последний раз мылась или расчесывала волосы. Одежду, в которой она валялась на кровати, Камилла и не думала менять. Она больше не чувствовала себя ни женщиной, ни человеком. Она превратилась в сгусток ярости. Только ярости и ничего больше.

Ярость помогала избыть боль. Когда Камилла очнулась в больнице, она вся состояла из боли. Болело заплывшее от синяков лицо с рассеченной щекой и распухшими губами. Болели переломанные ребра и вывихнутое плечо, болели ободранные костяшки пальцев. Без боли она не могла даже повернуться на бок. А потом ей сказали, что Роберта больше нет. И иная, душевная боль пересилила физическую. Казалось, ей не будет конца. Начался судебный процесс. И тогда, едва узнавая себя в зеркале, Камилла начала давать показания, рассчитывая хотя бы на справедливое возмездие...

Стоило ей закрыть глаза, перед ней возникала темная улица той душной сентябрьской ночью. Камилла, в облегающем платье и туфлях-лодочках, возвращалась под руку с Робертом с вечеринки. Они хохотали не переставая, особенно когда Милл спотыкалась на высоких каблуках. А потом из темноты возникли те три ублюдка, невменяемые, одуревшие от наркотиков. Ни Камилла, ни Роберт не давали повода для драки, сразу отдали все деньги и украшения. Но денег оказалось мало. Роберт бросился защищать жену, пытался заслонить ее собой. Поэтому его больше нет в живых. А Милл жива.

На суде все трое раскаивались и рыдали, что произвело на вершителей правосудия хорошее впечатление. К тому же преступники были очень молоды и не подвержены наркотической зависимости. Все из хороших семей. «Мальчики не закоренелые преступники, — вещал адвокат. — Только раз попробовали наркотики и по неопытности попали на “грязь”». Судья расценил убийство Роберта как «несчастный случай» и приговорил их к минимальным срокам.

Вот тогда в Камиллу вселилась ярость. Она прекрасно помнила, как ярость буквально захлестнула ее, когда она услышала приговор. Что они теряли? Пару лет свободы? А она потеряла все. Ей больше никогда не вернуть мужа. Не вернуть себя прежнюю. Ее жизнь окончательно и бесповоротно разрушена.

Камилла невидящим взглядом уставилась на сырые разводы на потолке. В окно стучал дождь. Нет, ничто не сможет унять ее ярость. Бешеную, бесплодную ярость, от которой внутри остается только пустота. Она пыталась погасить ее, швыряя об стенку посуду и мебель, пыталась спрятаться от нее, сутками не вылезая из-под одеяла. Ничто не помогало. Оставалась последняя надежда — напиться до потери сознания.

Камилла поднялась и, еще раз проделав замысловатый путь, поднесла к губам бутылку текилы. Вместо желанного забвения ее вывернуло наизнанку. Ну не принимал желудок алкоголя, и все тут! Камилла без сил прислонилась к дверному косяку в ванной. На лбу выступили крупные капли пота. Оставалось только завывать по-волчьи. Она с трудом поднялась и направилась к кровати, но ее остановил стук в дверь.

— Все в порядке, Виолетта. Я приду к обеду. А пока оставь меня в покое.

— Это не Виолетта. Это ваш сосед, Боб Макдагл.

Камиллу словно пронзило электрическим током. Бобу незачем было называть свое имя. Его голос она узнала бы из тысячи других. Раньше этот голос не раз утешал ее, когда она разбивала нос или падала с санок лицом в холодный колючий снег. Этот голос принадлежал ее детству так же, как старый клен, шалаш или горка между их фермами.

Они никогда не играли вместе, потому что Боб был намного старше, такой же взрослый, как Виолетта. Но Милл ходила за ними хвостом, потому что была самой маленькой, и ей не с кем было играть. Когда Боб был рядом, она чувствовала себя защищенной. Он помогал ей перелезть через ограду, зимой тащил в гору ее санки, летом подсаживал на дерево, в шалаш, скрытый среди ветвей. А остальные дети кричали, что Милл еще слишком мала.

Боб был не только героем ее детства, но и предметом первых девичьих воздыханий. Он казался ей страшно крутым — широкоплечий, с густой русой шевелюрой и серыми глазами. Однако пять лет разницы в возрасте делали Боба недостижимым для Камиллы. Он не обращал на нее внимания.

Но какими бы приятными ни были детские воспоминания, сейчас она не хотела никого видеть. А голос Боба, полный энергии и жизненной силы, причинял ей лишние страдания. Нет, он ничем не походил на сладкий голос Роберта и тем не менее напомнил ей об утрате. На Камиллу снова накатила ярость.

— Пошел к черту! — в бешенстве крикнула она.

Стук не прекратился.

— Черт тебя подери, Боб! Я не хочу никого видеть, неужели непонятно? Мне не нужно сочувствие и помощь. Оставьте меня в покое!

Когда Боб постучал в четвертый раз, Камилла рывком распахнула дверь. Если для того, чтобы избавиться от него, придется дать Бобу в морду, она сделает это и не будет мучиться угрызениями совести.

При виде Боба у Камиллы перехватило дыхание. Рост под потолок, широкие плечи, сильные руки. Русые волосы отливали красным золотом. Но особенно впечатляло лицо, открытое, спокойное, с прямым носом и крепким подбородком. И глаза... В его серых глазах с поволокой таилось что-то возбуждающее.

В эти несколько секунд Боб тоже окинул Камиллу быстрым взглядом, но даже если он и заметил ее неприбранный вид, по его лицу ничего сказать было нельзя.

Прежде чем Камилла успела захлопнуть дверь, Боб мгновенно поставил в дверной проем ногу и ровным голосом произнес:

— Мне надо поговорить о твоей сестре.

— Так говори и убирайся!

— Эй, потише.

Боб не пытался протиснуться в дом, только его глаза пробежались по сумеречной комнате. Однако на лице опять ничего не отразилось. Камилла, не ожидавшая такого поворота, спросила уже не так агрессивно:

— Так что там с моей сестрой?

— Кое-какие проблемы.

— Я вижусь с ней каждый день и могу заверить тебя: все идет наилучшим образом.

— Виолетта выглядит как раньше, но после развода у нее в голове что-то сдвинулось.

Она, как одержимая, занялась травами и цветами, а все остальное забросила. Прошлой весной к двум оранжереям построила третью, открыла свой магазин. А Фила Грина, который работал на ферме при вашем отце, а после его смерти взял на себя все заботы, уволила.

— Тебе-то какое до всего этого дело, Боб?

— Мне — никакого. А вот тебе — должно быть. Ты хоть огляделась здесь, как приехала?

— И не думала. Меня все это не касается. Пусть Виолетта делает что хочет.

Дождь лил как из ведра, но насквозь мокрый Боб вроде бы и не замечал этого. Он не отрывал взгляда от Камиллы.

— Милл, ты помнишь, что у твоей матери была делянка лаванды? Все женщины из дома Кэмпбеллов с ума сходили от этих кустиков.

— Боб, ближе к делу!

— Твоя сестра разводит всевозможные сорта лаванды.

— И что?

Боб потер подбородок.

— У себя в оранжереях она может беситься сколько угодно. Но обойди ферму, и ты увидишь, что она заняла под лаванду двадцать гектаров.

— Ты шутишь!

— Думаю, в ее «Зеленом раю» все идет тип-топ. Магазин процветает. Я даже и не предполагал, что у нас столько любителей экзотики. Но что касается земледелия, тут Виолетта ни черта не смыслит. Похоже, ее это и не занимает. Но одно дело запустить землю, и совсем другое — землю с лавандой. Тут твоя сестра попала в затруднительное положение.

— Это неправда.

— Ладно, Милл. Я пришел не для того, чтобы спорить. Я сказал что хотел. Делай как знаешь.

Боб не только убрал из проема ногу, но и решительно прикрыл за собой дверь. Сквозь мутные стекла и стену дождя Камилла видела, как его высокая фигура удалилась к белому пикапу.

Чего он хотел добиться своим визитом? А впрочем, плевать! Ей нет дела ни до Боба Макдагла, ни до его забот. И у Виолетты нет никаких трудностей и странностей. Она всегда слыла увлекающейся натурой. И одевалась экстравагантно, но, надо признать, с большим вкусом. Летящие блузоны, асимметричные многоярусные юбки, пестрые шали, висячие украшения... Казалось, еще чуть-чуть, и она будет выглядеть как модель со страниц цыганского каталога. Но Виолетта не делала этого последнего шага и всегда оставалась очень женственной.

Камилла доплелась до спальни и бросилась на кровать. Нет, у Виолетты все хорошо. У всех все хорошо. Только у нее плохо. А если даже у сестры и проблемы, чем она-то может помочь? Сейчас она не в состоянии помочь даже самой себе.

На мгновение Боб пробудил в ней слабые признаки жизни, но только на мгновение. А теперь в ней снова все застыло и умерло. Все.

Через четыре дня все так же лил дождь. Он радовал фермеров: апрельский ливень обеспечит хорошее цветение в мае. Но Камилла слышала в его монотонном стуке только тоску и беспросветность. Поскольку это как нельзя лучше соответствовало ее настроению, она выбралась на прогулку.

Щеки горели от холода и пронизывающего ветра, по телу пробежал озноб. Но Камилла два часа бродила по полям и угодьям, пока ее держали ноги. Когда она добралась до дома сестры, было начало седьмого. Она сняла на закрытой задней веранде изгвазданные сапоги и старую фуфайку, которую надевал еще отец, развязала башлык. С кончиков ее волос падали капли, в отвороты джинсов набились грязь и мусор. Камилла дрожала, как осиновый лист.

— Бог мой, Милли! Ты же продрогла до костей! Иди скорее греться, цыпленок! — воскликнула Виолетта.

Она загнала Камиллу в кухню, где топилась старомодная плита. На плите шкварчало и булькало в многочисленных горшочках и кастрюльках. Камилла приподняла несколько крышек. Так, главное блюдо, похоже, треска, фаршированная шпинатом. Салат на столе резко распространял аромат каких-то пряностей. Рядом стоял кувшин с травяной бурдой. Нет, сестра ни разу в жизни не приготовила нормального обеда. Только что-то полезное и диетическое.

Пока Камилла обследовала кастрюльки, Виолетта уже накрывала стол.

— Сегодня мы начнем с рыбного супа по-нормандски, Милли. Ты стала тощей, как стручок фасоли, того и гляди, штаны потеряешь.

Камилла пропустила ее замечание мимо ушей — ее волновало кое-что поважнее:

— Летти, а что в этом супе?

— О, все, что надо! Лук, морковь, лимон, сельдерей и другая зелень, разные пряности и, конечно, тресковые головы.

Камилла потихоньку выругалась. Виолетта только ласково улыбнулась и продолжила сервировать ужин. Через минуту она осторожно заметила:

— Я вижу, ты ходила гулять?

Камилла молча стала раскладывать приборы.

— Сегодня ты в первый раз вышла из дому. Меня это радует, а то я уже начала бояться.

— Чего тебе бояться? — Камилла глубоко вдохнула. — Не бойся, я не буду вечно сидеть у тебя на шее. Я не хочу тебя обременять, мне надо только...

— Что за чепуху ты мелешь! — возмутилась Виолетта. — Ты вовсе не сидишь у меня на шее. Эта ферма такая же твоя, как и наша с Дэзи. Можешь спокойно жить здесь хоть до конца своих дней, было бы желание. Места всем хватит.

— Нет! — резко возразила Камилла. — Ни за что!

Она обвела взглядом кухню. Когда-то в этих краях осели их шотландские предки. Они возвели этот дом. И хотя многие поколения Кэмпбеллов перестраивали его по-своему, в сущности он мало изменился. Широкие дубовые половицы отполированы до блеска, сбоку от плиты лоскутный коврик. На нем плетеное кресло-качалка. Старинные темного дерева буфеты и горки, по большей части с такой же старой, теперь уже антикварной посудой, массивный обеденный стол... Виолетта только притащила сюда обитую ситцем мягкую мебель и повесила шторы в цветочек, отделанные кружевом в деревенском стиле. Да еще цвет шпалер сменился с бело-голубого на бело-розовый. И широкий подоконник был теперь заставлен бесчисленными горшочками с приправами, пряностями и лечебными травами.

— Звонила Дэзи, — вдруг сообщила Виолетта.

Камилла насторожилась.

— Я сказала ей, что с тобой все в порядке. Но ты ведь знаешь Дэзи. Она ни за что не поверит, пока не убедится сама. Если ты сегодня-завтра не поговоришь с ней, она примчится сюда. Позвони, Милли!

— Нет уж, не дождется. Если опять будет звонить, скажи, что у меня все хорошо. И нечего ей приезжать!

— Ладно, — примирительно сказала Виолетта.

Камилла взяла кусочек трески.

— Тот участок на восточном склоне за сараями... что ты намерена с ним делать, Летти? Со всей этой лавандой?

Виолетта расцвела:

— О, Милли, как хорошо, что ты спросила! Я знала, что тебе постепенно будет лучше, и моя лаванда поможет. Вот и Боб говорит...

— Боб? Боб Макдагл? А он-то здесь с какого боку?

— Да не волнуйся ты так!

Камилла нетерпеливо отмахнулась. Меньше всего ей хотелось сейчас говорить о Бобе. Он и так занимал ее мысли эти четыре дня.

— Оставь в покое Боба. Я спрашиваю, зачем ты развела столько лаванды. Что ты намерена с ней делать?

— Понимаешь, — смущенно пролепетала Виолетта, — мама ведь всегда сажала там лаванду...

— Но у мамы было всего две-три грядки с редкими кустиками, а ты, похоже, решила заполнить лавандой весь Вермонт.

— Нет, так далеко мои планы не идут, — рассмеялась Виолетта. — Просто я всегда любила мамину лаванду, и когда Симпсон по сути выставил меня из дома, чтобы жить там со своей новой подружкой... — Ее губы задрожали.

— Летти, не вороши прошлого. Я и сейчас считаю, что твоему муженьку надо было свернуть шею, но речь не об этом.

— Ну вот, я вернулась домой, и мне надо было начинать жизнь заново. Я не знала, куда себя деть. Слава Богу, мне удалось отсудить у него хороший кусок и не пришлось срочно искать работу. И тут я нашла мамины семена французской лаванды. Потом Дэзи привезла мне отводки другого сорта, и я начала экспериментировать. — Глаза Виолетты сияли. — А потом открыла свой магазин...

— Это все здорово. — Камилле не хотелось обижать сестру. — Но зачем тебе столько лаванды? Такое количество не продашь в магазине.

— Наверное, — грустно согласилась Виолетта и положила на тарелку Камилле не поддающийся опознанию предмет своего кулинарного искусства. — Я увлеклась скрещиванием и немножко переборщила.

— Немножко? Двадцать гектаров ты называешь «немножко»?

— Да нет, я не думала засаживать двадцать гектаров, — попробовала защищаться Виолетта. — Просто в оранжереях уже не было места — у меня ведь там и другие растения, — и я высадила лаванду на восточный склон, где никогда ничего не росло. Я думала, она вообще не поднимется. Но я упустила из виду... — Виолетта замолчала.

— Что ты упустила из виду?

— Что лаванда очень стойкая. Ей нужно всего лишь немного солнца и... просто оставить ее в покое. Тогда она примется и на сухой каменистой почве, под ветрами и морозами.

— Летти, она не только принялась, она так разрослась, что скоро заглушит собой все. Виолетта тяжело вздохнула.

— Как тебе картофельный салат?

— Что?

— Картофельный салат. Он с приправой из сухой лаванды. Я нашла рецепт в одной старинной французской книге.

— Салат замечательный. Но я не хочу, чтобы ты для меня готовила. Я вообще не хочу ничьей заботы. — Камилла раздраженно передернула плечами.

— Я так и так готовлю. Так что не о чем говорить.

— Я не об этом, ты слышишь? Мне не нужна ничья забота! И твоя тоже! Я пока не могу работать, но обязательно буду.

— Ну и хорошо. Тебе нужны деньги?

— Господи, помилуй! Я не хочу жить у тебя на содержании, Виолетта!

— Ладно, ладно, не волнуйся ты так. — Виолетта срочно схватилась за очередную миску. — Я имела в виду деньги на карманные расходы. Как же без них?

— Не-е-ет! Мне вообще ничего не нужно!

Камилла вскочила, как ужаленная, ее лицо пылало от гнева. Она бросилась к задней двери.

— Милли, постой! Тебе незачем убегать.

— Я и не убегаю. Просто... — Она едва могла дышать, сердце бешено колотилось. Камилла не хотела ссориться с сестрой. Ей нужно только, чтобы ее оставили в покое. Чтобы не приходилось напрягать последние силы и быть терпимой и вежливой.

Камилла натянула хлюпающие сапоги, схватила фуфайку и башлык и взялась за ручку двери. Но та открылась без усилия, и молодая женщина едва не врезалась в могучую фигуру нежданного гостя.

— Эй, Милл, потише!

Боб Макдагл крепко держал ее за плечи, чтобы она не слетела со ступенек. Камилла не собиралась бороться, ей надо было просто забиться в угол, чтобы не дать выплеснуться своей ярости на невинных. В его сильных объятиях можно спрятаться от бед и невзгод, но Камилла хотела оказаться только в объятиях Роберта! Мысль о своей утрате чуть не задушила ее, и, не говоря ни слова, она прошмыгнула мимо Боба. Он что-то прокричал ей вслед, но Камилла ничего не слышала. Прочь от Боба! Прочь от Виолетты! Прочь от жизни! Прочь, прочь, прочь!

Боб вышел из кабинета и спустился в кухню. Его взгляд упал на настенные часы. Уже три! Скоро мальчики вернутся из школы. Сейчас, по весне, они стали совсем невыносимыми. Боб точно знал, что последует за их приходом. Син с порога примется выпрашивать лошадь. На свете, наверное, не было ни одного животного, которого он не хотел бы иметь. Саймон понесется в свою комнату и врубит музыку на всю громкость, а Макдагл-старший начнет на него жаловаться. Сам он будет требовать, чтобы была вымыта посуда, накопившаяся в раковине со вчерашнего дня, и постирана полная корзина грязного белья.

Боб понял, что сегодня этого концерта он не вынесет и, если сейчас же не уберется из дома, обязательно сорвется. Он схватил с вешалки куртку и вышел во двор.

Свежий воздух защекотал ноздри. Две последние недели не переставая шли дожди, было ветрено и промозгло, теперь же весна брала свое. Повсюду проклюнулись почки, зазеленела трава, вдоль изгороди расцвели нарциссы.

Боб и не заметил, как дошел до границы владений Кэмпбеллов, пока перед ним не возникла одинокая фигурка среди зарослей лаванды. Он узнал ее сразу, но помедлил, прежде чем открыть калитку.

Уже многие годы ни одну женщину он не принимал так близко к сердцу. Черт побери, Камилла так исхудала, что джинсы едва держались на ней. На щуплые плечики были накинuty красная клетчатая рубашка и любимая отцовская куртка. В солнечных лучах ее спутанные черные космы все еще отливали шелком. Бобу вспомнилась счастливая невеста в белоснежной фате, и он подумал, что свои роскошные длинные волосы она, должно быть, обрезала после гибели мужа. Сейчас Камилла являла собой воплощенный траур, и сердце Боба сжалось от боли.

Со дня их встречи он постоянно твердил себе, что Камилла — не его проблема. У него и своих забот хватает. Сыновья держали его в постоянном напряжении. Переводы, которые Боб выполнял для правительственных учреждений, отнимали массу времени. И хотя эта работа оказалась значительно доходнее, чем он ожидал, с приходом весны придется заниматься полями и фруктовыми плантациями. Так что дополнительные стрессы ему совсем ни к чему.

Камилла оглядывала бесконечные ряды одичавшей лаванды. Боб мог бы поклясться, что собирался повернуть назад, пока Камилла его не заметила, но ноги сами понесли его к ней. Она вздрогнула, неожиданно обнаружив его поблизости.

— Только не начинай снова про мою сестру, — предупредила Камилла.

— Я думал, с этим мы разобрались. Я всегда любил вашу семью, не исключая и Виолетту. И не стал к ней хуже относиться оттого, что у нее не все дома. Оттого, что она не может отличить зерна от плевел, культурные растения от сорняков. И, похоже, понятия не имеет, что такое здравый смысл.

— Прекрати.

— А тебе не кажется, что у нее в голове завелись тараканы?

Камилла подняла ногу, чтобы дать ему пинка, но, сообразив, что он ее нарочно подначивает, поглубже вдохнула и проговорила подчеркнуто спокойным голосом:

— Уходи, Боб.

Он не сдвинулся с места. Может, вид одичавшего кустарника оскорблял в нем фермера. Хотя, по большому счету, фермером в полном смысле слова Боб не был.

— Я тоже немного знаю о лаванде, Милл, — непринужденно заметил он. — То есть знаю садовое растение, а не применение в коммерческих целях. Но тут и дураку понятно: если эти кусты не разредить, она станет ни на что не пригодна.

— Тебя это не касается.

Он словно не слышал:

— Виолетта заложила эту делянку года два назад, и это еще дает надежду что-то спасти. Вопрос только в том, сколько у нас времени. Если ее не обработать этой весной, на всем можно ставить крест. Но для этого сюда надо пригнать целый взвод.

Не поворачиваясь к нему, Камилла жестом заткнула ему рот. Бобу всегда нравились женщины, которые умеют выразиться без лишней болтовни. Он ухмыльнулся, но тут же заметил, что ее глаза сверкнули подозрительным блеском.

— Эй, потише, Милл! Даже и не думай! Одному здесь не справиться, ни тебе, ни кому-то другому.

Она повернулась к нему, смирив с ног до головы взглядом.

— Тебе показалось, Боб, что я спрашивала твое мнение?

Так дерзко. Так грубо. Так ядовито.

Ему захотелось прильнуть к ее губам, отведать змеиной нежности ее язычка. Может, это встряхнет ее и пробьет броню одиночества и гнева. Он уже почти поддался искушению, но вовремя спохватился.

— Ладно, Милл, а сама-то ты что знаешь о лаванде?

— Мама ее обожала, набивала лавандой маленькие подушечки и клала в шкафы с бельем, а еще добавляла в мыло и в сухие букеты. А Летти... она знает необычные рецепты с приправами из лаванды. Но с тех пор как Дэзи живет в Провансе, она у нас самый большой специалист. Ей известно, как лаванду используют в парфюмерной промышленности. — Помолчав, Камилла со вздохом призналась: — Но я о ней мало что знаю.

— Вот я и говорю, нечего тебе одной браться за это дело. Не сходи с ума.

— Боб, тебе правда больше нечего делать, как торчать здесь и доводить меня? У тебя полно фруктовых деревьев, которые надо обрезать, или как там это называется?

Боб втянул ноздрями воздух и сосчитал про себя до десяти.

— Да, у меня огромные плантации. А еще два сына-подростка, которых я воспитываю один. И отец, который после смерти моей матери стал колючим, как дикобраз. И если в Белых Холмах считают, что я фермер, то это не так. В первую очередь я переводчик. Уже шесть лет я выполняю правительственные задания, и это очень ответственная работа. — Боб не рассчитывал, что все это будет интересно Камилле, но пора уже положить конец ее враждебному отношению. — Так что не старайся достать меня. Моих домашних тебе все равно не переплунуть. И давай вернемся к нашему разговору.

— У нас нет никакого разговора, — не собиралась сдаваться Камилла, хоть и взяла на тон ниже.

— Есть. И главное, найти решение для этих двадцати гектаров лаванды. Самый простой выход здесь — бульдозер.

— Не нужен мне никакой бульдозер. И никакой помощи не нужно. — Камилла упрямо потрянула головой.

Боб сказал себе, что хотя его предки были шотландцами, а это значит, что его терпение

не безгранично, еще минутку он сумеет держать себя в руках.

— Ладно, если ты не хочешь выкорчевывать эти дикие заросли, то тебе придется найти способ их культивировать. Именно тебе, потому что Летти не разбирается, где у трактора зад, где перед.

— Оставь мою сестру в покое!

— У вашего отца в сарае всегда стояла отличная сельхозтехника. А Фил Грин, которого выгнала твоя сестра, и после его смерти содержал машины в порядке. Если хочешь, я могу посмотреть...

— Не хочу.

— Может, ты и права. Трактором здесь вряд ли что сделаешь. Только ручную. Знаешь, у меня есть работники, которые обрезают яблони. И если хочешь...

— Не хочу! Не нужны мне твои работники. И твоя помощь не нужна. И твои советы. Черт возьми, перестань со мной носиться как с писаной торбой!

Камилла резко развернулась, чтобы убежать, наступила на спадающие джинсы, чуть не упала, закусив губу, как мальчишка, подтянула штаны и умчалась прочь. Боб даже не ухмыльнулся. В состоянии этой несчастной женщины не было ничего смешного.

Камилла, должно быть, считает его невыносимым. Парень, который постоянно стоит у нее на пути. А она не хочет никакой помощи — это очевидно. И не хочет друга — это тоже очевидно. Но по крайней мере она очнулась от своей летаргии. А ее желание защитить сестру было очень трогательным.

Эта женщина, сказал себе Боб, так изранена, что перестала быть самой собой. Она сплошной сгусток горя и ненависти. Конечно, Камилла не его проблема, но она так растревожила его сердце, что он не может просто послать ее к черту. Пока что не может. Ради нее и, возможно, ради себя.

Камилла проснулась от собственного крика. Снова кошмар. Темная улица, Роберт, кровь, обкурившиеся рожи юнцов, ее панический страх...

Один и тот же сон. Один и тот же...

Вся в холодном поту, она потащила в ванную. Внезапно ее остановил странный звук. Как будто на веранде кто-то рычал. Она прислушалась. Звук не повторился, и Камилла решила, что все это — продолжение ее ночных кошмаров. Она стянула с себя свитер и джинсы и выглянула в мутный просвет окна. В следующую минуту, в одном башмаке, она выскочила на веранду.

К старому клену на длинной веревке был привязан пес. Завидев Камиллу, он подпрыгнул и рванулся ей навстречу, злобно оскалив зубы и издав оглушительный рык. Женщина невольно отпрянула. Если бы не веревка, он точно перегрыз бы ей горло.

Краешком сознания она удивилась, почему пес не вызвал в ней панического страха. Может, потому, что бедолага был не в лучшей форме. Судя по всему, когда-то это Божье создание было чистопородной немецкой овчаркой, но сейчас оно представляло собой жалкое зрелище. Через свалявшуюся, покрытую засохшими экскрементами и репьями шерсть просвечивали ребра. Правое ухо было разорвано, глаза слезились.

— Эй, потише, — принялась утешать его Камилла и вдруг поймала себя на том, что произнесла любимое выражение Боба. — Как ты вообще сюда попал? Что тебе здесь надо?

Подойти к нему ближе не было никакой возможности. Пес заходиллся лаем и был готов вот-вот сорваться с привязи. Камилла вернулась в дом и встала у окна. Как только она

исчезла из виду, пес замолчал. Через грязное стекло Камилла заметила, что на левой лопатке у него рваная рана. Конечно, не смертельная, но явное доказательство того, что с псом обходились плохо.

Как к нему вообще мог кто-то подойти, чтобы привести сюда и привязать к старому клену? Впервые с тех пор, как она поселилась здесь, Камилла обследовала кухонные шкафы и нашла старую алюминиевую миску, подходящую для того, чтобы набрать в нее воды для пса. Но стоило ей приоткрыть дверь, как овчарка снова бросилась на нее с заливистым лаем. Чуть помедлив, Камилла все-таки вышла, держа миску перед собой.

— Кончай спектакль! Я не подойду ближе, чем требуется, можешь быть спокоен. Но если ты хочешь пить и есть, будь добр, перестань бросаться. Терпеть меня не можешь? Ради Бога! Я тоже терпеть никого не могу. И не думай, что ты тут надолго удержишься! — Она осторожно пододвинула ему воду.

Но пес был так одержим желанием дотянуться до нее зубами, что опрокинул миску. Камилла отступила на шаг. Что теперь делать? Отвязать его, чтобы поплатиться за эту жизнь? Или оставить на привязи подышать от голода и жажды?

Камилла поспешила в дом. Она распахнула дверь и стала звать Виолетту. Никакого ответа. Сестра оказалась в оранжерее.

— Милли, — обрадовалась она, — вот уж не ожидала, что ты когда-нибудь появишься здесь! Иди, я покажу тебе своих питомцев.

— Я не за этим сюда пришла, — буркнула Камилла. — Я из-за собаки.

— Что?

Камилла вздохнула. Похоже, Виолетта не имела к псу никакого отношения.

— У тебя есть собачий корм? И вчерашняя газета?

Осознав произошедшее, Виолетта немедленно выразила готовность помочь, но тут появилась клиентка и пришлось заняться ею. Так что Камилла отправилась на кухню сама. Здесь нашлись запасы кошачьих лакомств и целая кipa старых газет, где, впрочем, не было ни одного объявления о пропаже.

С карманами, доверху набитыми сухим кормом и банками с консервами, раздраженная Камилла вернулась к коттеджу. Какого черта она возится с чужим шелудивым псом?

Подсунуть этой приبلудной бестии корм не удалось. Пес метался на привязи, как очумелый. Камилла заново атаковала кухню сестры и извлекла из холодильника мясной фарш, который размазала поверх кошачьего корма и попыталась снова подложить в миску драному кобелю.

Почувяв запах мяса, животное перестала лаять и бросаться. Нет, пес не завилял умильно хвостом и не перестал щериться, но по крайней мере позволил подтолкнуть миску себе под нос. А потом набросился на еду, не забывая в промежутках рычать и скалить зубы. Во время этой дурацкой процедуры Камилле удалось подсунуть ему еще и плоску с водой. На хрена ей все это было нужно?! Но пес заслуживал сочувствия. Слишком злобный и противный, чтобы быть любимым, зато гордый и независимый.

Потом ей пришлось заняться окнами, чтобы через них можно было видеть пса. Вначале она хотела помыть только одно стекло. Но одно чистое ярче подчеркивало неприглядность остальных.

Отчаянный лай заставил Камиллу выглянуть в свежевывмытое окно. Боб Макдагл, в джинсах и легкой рубашке, словно уже настало лето, перегнувшись через ограду, рассматривал пса. Казалось, его нисколько не отпугивал воинственный лай волкодава.

На какое-то мгновение Камиллу охватила паника, но не паника ее ночных кошмаров, а страх перед этим спокойным и сильным мужчиной. Почему-то ей захотелось спрятаться от его великодушного покровительства и теплых сильных рук. Тряхнув головой, Камилла отогнала дурацкое наваждение.

Боб с обезоруживающей улыбкой указал на пса:

— Как я погляжу, тебе удалось-таки задать нашему любимцу корму!

— «Нашему любимцу»? — Ее осенило. — Боб, это твои происки?!

— Какие происки?

— Ты подсунул мне это чудовище, этого людоеда, этого человеконенавистника? За что мне такая кара?!

Боб широко улыбнулся:

— Его зовут Дарби, и когда-то он побеждал в элитных конкурсах. Трудно поверить, глядя на него теперь, да? Но это правда. Он принадлежал Артуру Чепмену, который любил и баловал пса. Соседские дети запросто играли с ним. Ты помнишь Артура? Купер-стрит, налево от ручья, первый дом слева от моста. Прекрасный был человек. И вдруг эта болезнь Альцгеймера. Конечно, люди что-то замечали, но кому охота лезть в чужую жизнь? Нам и в голову не пришло, что он избивает собаку и морит ее голодом. Да это не его вина. Болезнь. Он потерял рассудок, такое случается...

Камилла молча поджала губы.

— Ну, потом-то до соседей дошло, что здесь что-то не то, и они позвонили в полицию. Полиция вызвала социальную службу. Все так и рвались облагодетельствовать Артура, но никто не подумал о собаке...

— Немедленно отведи ее назад.

— Нет, Милл, я не убийца. Если хочешь, могу дать тебе адрес санитарной службы. Позвони сама.

— Но я не хочу...

— Естественно, они его усыпят. Но зато быстро и безболезненно.

— Ты, самодовольный сукин сын! Ты сейчас же забереешь его и избавишь меня от этой злобной бестии!

— Я дам тебе их телефон, они быстро приедут и...

— Кончай!

— Что?

— Кончай с твоими дурацкими заявлениями!

— Но, Милл, я просто подумал, что у Дарби появился шанс, может быть, последний шанс, если у тебя хватит мужества... Знаешь, каким великолепным псом он был? Да ладно, забудем. — Боб слез с ограды. — Кому он такой нужен?! Сейчас схожу домой, принесу номер...

Как фурия взлетела Камилла на ограду, чтобы избить, измолотить его. Она представления не имела, как это осуществить. Но, спрыгнув по другую сторону, схватила его за грудки и... вдруг оказалась в его объятиях. Боб склонился над ней и мягко, но решительно приник к ее губам. Его поцелуй оказался неожиданно нежным. Едва Камилла успела передохнуть, последовал другой, решительный и страстный.

Ярость улеглась в ней, теперь ее сердце бешено колотилось от другого чувства, и, тесно прижавшись к Бобу, она ощущала, как его сердце бьется в такт.

Боб поднял голову. Но Камилла, ослепленная солнцем, не могла разглядеть его лица,

только темные глаза горели огнем. Она почувствовала на щеке прикосновение его пальцев и откуда-то издалека услышала чуть хрипловатый голос:

— Я знал, что у тебя доброе сердце, Камилла. И мне больно смотреть, как ты страдаешь.

Камилла не нашлась, что ответить. Она вообще была не в состоянии что-либо говорить. Как застывшая статуя, она проводила взглядом его фигуру, удаляющуюся за пограничную изгородь.

Конечно, она поняла, что Боб протянул ей руку помощи, когда пришел в коттедж. Но ей казалось, что он делает это по-соседски, в память о тех годах, когда он опекал девчонку-несмышленища. Камилла и представить себе не могла, что может разжечь в нем страсть и, уж конечно, не ожидала такого поцелуя!

Все еще не отрывая глаз от тающего на солнце силуэта, Камилла подумала о Роберте, ее стройном элегантном Роберте, с его утонченными манерами и мальчишеской улыбкой. Роберт любил ночную жизнь большого города, он чувствовал себя в ней как рыба в воде. Как часто по пятницам они отправлялись по ночным клубам, она — в своих смелых платьицах для коктейля, он — в шикарных костюмах. Роберт мог танцевать ночь напролет. Он понимал толк в вине, музыке и развлечениях.

Камилле вдруг пришло в голову, что Боб, услышав он даже название самых знаменитых клубов, не понял бы, о чем речь. Они различались с Робертом, как день и ночь. Нет, Боб тоже был стройный и подтянутый, но такой огромный! Косая сажень в плечах, обветренное лицо, спутанная шевелюра... Да, элегантным его никак не назовешь. Он бушевал, когда сердился, и хохотал во все горло, когда радовался. От него исходила какая-то природная, от земли идущая сила, дикая и необузданная. Боб представлял угрозу для женщин. Опасно подпасть под его чары и вдруг оказаться несостоятельной перед его природной сексуальной мощью.

Камилла внезапно разозлилась на себя. «Природная мощь»! Откуда, черт подери, она выудила эту глупость? Ну, развлек он ее на мгновение, да при этом чуть не задушил своим поцелуем. Но ведь этот чертов придурок еще и навязал ей на шею волкодава и киллера, с которым никто не пожелал или не смог иметь дела!

Молодая женщина решительным шагом направилась к своему коттеджу. Если Боб еще раз попадется на ее пути, не будет никаких поцелуев и никаких размягчающих мозги мыслей! Нет, но какая наглость! Запросто взять и поцеловать ее!

Тут ее взгляд наткнулся на киллера, то есть Дарби, который мирно дремал в тени клена. Вот вам типичный мужчина! Сначала они испортят вам весь день, а потом как ни в чем не бывало улягутся спать. Все, хватит! Теперь она будет игнорировать и того, и другого!

«Когда человека целуют, у него должно улучшаться настроение, — размышляла Камилла, щелкая секатором. — Особенно если целуют страстно. А именно таким и был поцелуй Боба».

Уже три дня она работала на лавандовом поле. Она ощущала каждый мускул, каждую косточку в своем теле. Ныла спина, слезились глаза, но зато теперь Камилла засыпала сразу и спала как убитая. Эта работа стала спасением. Ничего интеллектуального или творческого ей сейчас не требовалось. Только уставать до изнеможения. Кроме того, Камилла чувствовала себя увереннее, хоть как-то отработывая свое нахлебничество. Но и тяжелый монотонный труд не мог избавить ее от мыслей о Бобе.

Когда Камилла добралась до вершины холма, оранжевый диск солнца ослепил ее, и она не сразу заметила двух человек, вернее, двух мальчишек, сидевших на корточках в верхнем ряду зарослей и ловко орудовавших секаторами.

Должно быть, это сыновья Боба. Они были тощими, как все подростки, но в их фигурах уже угадывалось крепкое отцовское сложение. У обоих были обветренные лица и русые, с красноватым отливом, волосы.

Шагая к ним, Камилла разъярялась все сильнее. Ясно, что их прислал Боб. Черт бы его побрал! Что он на себя берет? Может, она за последнее время и превратилась в мегеру, но допустить, чтобы мальчишки понапрасну мучились в этих бесконечных зарослях, не могла.

— Привет, парни! — И двух минут будет достаточно, чтобы отправить их домой.

Оба мгновенно вскочили:

— Привет, мисс Кэмпбелл!

Камилла удивилась, насколько они похожи. Тот, у которого вихор падал на лоб, чуть краснея, подступил к ней на шаг:

— Здравствуйте. Я видел, у вас теперь собака?

Камилла все еще была полна решимости немедленно прогнать их с поля, но пришлось решать вопрос поважнее:

— Надеюсь, вы не пытались подойти поближе к Киллеру?

— Нет, — краснея еще сильнее, ответил парень. — Я просто видел, что вы отгородили ему вольер из снегозащитных щитов. Это круто! Теперь он может бегать без привязи.

Камилла подбоченилась. Еще не хватало, чтобы ее хвалил подросток! Конечно, оказалось нелегко перетащить и закрепить этот плетень, но надо же было как-то обустроить шелудивого, которого она терпеть не могла. А за такое нахальство этот юнец еще схлопочет! Но не успела она как следует задать ему, как вперед выступил другой. У него волосы торчали вверх, и он не краснел от смущения.

— Дурак, сначала надо представиться! Я — Саймон, а это Син. Это он нашел Дарби. Папа говорит, что он волочет в дом всю живность, что увидит.

— А сам-то!

— Я — нет! — Саймон пихнул брата. Что ж, вполне нормальная манера общения. — Когда мы узнали, что мистера Чепмена забрали в дом престарелых, никто и не подумал о его собаке. Только Син. Мы уговорили шерифа пустить нас в дом, и в дальней комнате Син нашел запертого на замок Дарби. Ой, на что он был похож! Совсем одичал. Я думал, он разорвет Сина на куски!

Син поддал брату, тот, не раздумывая, ответил тем же. В голове Камиллы едва успела промелькнуть мысль: как она сможет прогнать их с поля, если до сих пор ей не удалось вставить ни слова? А Саймон уже спешил рассказать дальше:

— В ветеринарке нам дали поводок для агрессивных животных. Он похож на обычный, но со специальным устройством. И собака не может прыгнуть так, чтобы достать человека. Вот, и Син притащил его домой...

— Саймон просто бесится от радости, когда рассказывает, что мне устроил папа. А отец бунтует, когда я привожу кого-нибудь. Но в этот раз он только сказал, что знает, кому можно отдать Дарби.

Камилла открыла рот, да так и забыла его закрыть:

— Что-о-о?

— Вы единственный человек, который может спасти Дарби! — гордо возвестил Син и тут же добавил: — Нет, я, конечно, тоже мог бы его спасти, но у нас в доме уже две собаки, три кошки, енот и голуби. А Дарби пока что ни с кем не может ужиться. И папа сказал, вы — то, что надо. Что во всех Белых Холмах нет никого, кто бы был еще злее Дарби.

— Он так сказал?!

— Классно, да? Я сначала не поверил, что женщина может быть такой крутой. Но папа сказал, что вы не женщина.

— Что-о-о? Он так сказал?! — У Камиллы перехватило дыхание.

Братья обменялись взглядами. На этот раз им показалось, будто что-то в их беседе пошло не так. Саймон, который наловчился улаживать дела со взрослыми, поспешно добавил:

— Папа сказал, что вы классная. Так оно и есть. Вы и одеты по-нашему, и волосы у вас торчат, и вам плевать, что у вас извараканные сапоги, и вообще... вы — не леди. Ну, то есть не волнуйтесь, я хотел сказать, что вы совсем как мы.

Син согласно кивнул:

— С тех пор как мать свалила, мы на дух не переносим женщин. Они у нас вот где, понимаете? Мы еле-еле привели отца в норму. И теперь женщин близко к нему не подпускаем. Только вашу сестру. Но она вроде не опасна.

Саймон дополнил объяснение:

— Теперь усекли? Если бы вы были женщиной, мы бы ни за что не доверили вам Дарби!

Камилле уже было не до ее проблем. Главным оказалось «усечь» логику тринадцатилетних. Значит, если бы она не была угрюмой и неухоженной, то в их глазах превратилась бы в обычную женщину, которой нельзя доверить главный приз — собаку. Так что они сделали ей огромный комплимент.

— Ах, так, ну ладно...

Мальчишки, посчитав проблему решенной, снова взялись за свои инструмент.

— Эй, постойте! Ну-ка, потише!

«Проклятый Боб!» — пронеслось у нее в голове.

— Не волнуйтесь, мисс Кэмпбелл. Мы в курсе, что надо делать. Папа звонил в садоводство и выяснил все про лаванду, — успокоил Син.

— Мы теперь знаем, что это просто цветок. Конечно, мы не стали бы возиться с такой ерундой, но вы ведь не виноваты, что ваша сестра сбрендила.

— Саймон, заткнись! Ты же оскорбляешь члена семьи!

— О, простите. — Голос Саймона был полон раскаяния. — Я не это имел в виду. Мы

просто сочувствуем. Вам-то приходится общаться с ней постоянно...

— Мы узнали кучу всего про лаванду, — постарался исправить положение более деликатный Син. — Есть французская, английская и испанская лаванда. А у вас здесь все перемешано. Всю ее надо обрезать на треть сверху и по бокам.

Саймон бросил оценивающий взгляд на секатор Камиллы и неодобрительно покачал головой.

— Ваши ножницы слишком тупые. Вам нужны другие. Надо обрезать ветки за пару сантиметров до одеревенелой части, видите?

Камилле пришлось посмотреть.

— И пройдет еще три года, прежде чем кусты приобретут правильный вид, — продолжал пояснять Саймон. — На следующий год еще треть, и на третий еще. Тогда кустарник будет в полном порядке.

Он увлеченно защелкал секатором. Наконец-то Камилле удалось вставить слово:

— Все это замечательно, парни. Но вы мне здесь не нужны. — Она подтвердила свое замечание решительным жестом.

Щелканье секаторов умолкло, и оба, сидя на корточках, уставились на нее снизу вверх.

— Папа оплачивает нам эту работу, мисс Кэмпбелл, так что вам не придется тратиться, — с надеждой посмотрел на нее Саймон.

— А если мы не будем работать здесь, нам придется стирать и убираться в доме, — жалобно добавил Син. — Мы, правда, справимся. Вы же дадите нам шанс, мисс Кэмпбелл?

Черт подери! Камилла могла послать весь мир в преисподнюю, но не разочаровывать же этих птенцов!

— Вам двоим никогда не облагородить эти заросли, и не пытайтесь, черт подери! Но можете приходить сюда когда угодно и топтаться здесь, но так, чтобы это не мешало ни школе, ни вашим домашним обязанностям, черт подери!

Близнецы энергично закивали.

— И я никогда не говорила «черт подери», ясно, черт подери?

Кивки стали еще энергичнее, так что было непонятно, почему у братьев не поотлетали головы. Камилла едва удержалась, чтобы не пригладить вихор Сина и не помчаться домой за печеньем и кексами.

На обратном пути она подумала, что добром все это не кончится. Если уж Боб заварил всю эту кашу, пусть сам ее и расхлебывает. Однако для того, чтобы все это ему навесить, придется с ним встретиться.

С другой стороны, вряд ли существует опасность, что он снова попытается ее поцеловать. Ее, грязную, неприбранную и вонючую. Ее, которую он и за женщину не считает! Что вообще на него нашло в прошлый раз? Нет уж, лучше примириться с мальчишками.

Еще через три дня температура поднялась до двадцати пяти градусов. Больше Камилла не могла терпеть запах привязанного во дворе Киллера, бывшего Дарби. Она надела старые отцовские шорты и футболку, взяла шампунь от блох, губки, ведро с теплой водой и длинный шланг и решительно направилась к загородке.

В последнее время Киллер милостиво позволял Камилле подносить воду и еду, особенно если она пахла мясным фаршем. Но дотронуться до него — Боже упаси! Тут же ощеривались зубы, а шерсть на загривке вставала дыбом.

Камилла остановилась у входа.

— А теперь послушай меня! Ты воняешь так, что я чувствую через закрытые окна. И не устраивай мне спектаклей. Сегодня я тебя помою — и баста!

Киллер злобно оскалился. Камилла отбросила со лба непослушную прядь, уперла руки в бока и зарычала в ответ. Киллер наострил уши.

— Хочешь разорвать меня на кусочки? Ха, будь ты мужиком, тебе бы не поздоровилось. Но поскольку ты всего лишь драный кобель, я просто вымою тебя.

Она шагнула за загородку. Киллер не двинулся с места и глухо зарычал. Камилла распустила в ведре шампунь, бросила туда губки и привинтила к водопроводу шланг. Все это она проделывала неторопливо, не поворачиваясь к псу спиной.

— Если ты на меня набросишься, я тоже укушу тебя. И посмотрим, кому еще будет больнее! Ты, приبلудная паршивая овца, сидишь тут и думаешь, что жизнь жестоко обошлась с тобой? Вот я тебе кое-что скажу...

Киллер замолчал и приподнял здоровое ухо.

— Так-то лучше. — Камилла взяла в руки ведро и подступила ближе. — Ты потерял любимого хозяина и теперь никому не веришь. — Она сделала еще пару шагов. — Я тебя понимаю. Честно. Я потеряла все. — Она достала из ведра губку и стала осторожно намыливать псу шею и спину. — Мужа, работу, даже себя. — Пес оскалился. — Да-да, чего смеешься? Себя и всю свою жизнь. — Она потерла ему загривок. Пес, вывернув шею, смотрел на нее не мигая. — Не старайся загипнотизировать меня. Я смотрела в глаза смерти. — Камилла принялась обмывать ему бока. — Думаешь, жизнь несправедлива? Я с тобой согласна. И оставлю тебя в покое, как только вымою. Понимаешь, я сплю там, у окна, и с тех пор, как ты появился, задыхаюсь от вони. — Она перешла на живот и лапы.

Камилла говорила ровным успокаивающим тоном, старалась не показать, как ей страшно. В любую минуту Киллер мог сорваться и броситься на нее. Она хорошо понимала, откуда этот сполох ярости в его глазах. Слишком хорошо. Но куда ей было деваться?

— Я не трону глаза и нос, не волнуйся. И вообще, осталось чуть-чуть. Смотри-ка, а ты, оказывается, наполовину белый. Да постой ты, дрянь такая. — Камилла услышала, как хлопнула калитка, но поворачиваться не стала. — Подними лапу, тварь шелудивая, дай посмотрю, чего у тебя тут... — Кто-то ходил по веранде. — Сейчас, только сполосну тебя, шкура. О, проклятье! Киллер!

Киллер бросился вперед, опрокинув ведро с мыльной водой, окатил с ног до головы приземлившуюся на пятую точку Камиллу и облился сам. Как следует отряхнувшись от головы до кончика хвоста, он так и остался стоять перед ней, нос к носу, высунув язык и тяжело дыша. Словно признал в ней друга. Словно в обиде на все человечество, никогда и не рвался перегрызть ей глотку.

И тут за ее спиной раздался громогласный хохот. Камилла так и подскочила.

— Что смешного, Боб Макдагл?!

— Ты, — едва сдерживая смех, Боб постарался скромно потупить глаза. — Однажды я вытащил из колодца кошку. Она и то была не такой мокрой, как ты.

Это было чистой уловкой. Боб просто боялся смотреть на Камиллу. Мокрая рубашка прилипла к ее телу, обрисовав тугую упругую грудь, на щеках горел румянец. Какой бы грубой и равнодушной она ни пыталась казаться, только слепец мог в это поверить. А то, как она разговаривала с собакой, тронуло бы и самое черствое сердце.

— Черт подери, Макдагл, я больше не позволю себя оскорблять!

Боб поднял невинные глаза:

— Я же только пришел, у меня еще и времени-то не было тебя оскорбить. Что я такого сказал? Только то, что ты вся мокрая. А разве не так?

— Сегодня, может, еще и не успел. А что ты наплел сыновьям на прошлой неделе?

Камилла проскочила мимо него так быстро, что он и рта не успел раскрыть. Боб пошел за ней в дом.

Возле стены у камина стояли коробки. Окна были вымыты, а вот за слой пыли на полу и на мебели его сыновья выдали бы хозяйке приз зрительских симпатий. Через открытую дверь Боб увидел на плите щербатый кофейник, покрытый слоем копоти. Видно, Камила все еще не чувствовала себя здесь дома.

Боб потер рукой подбородок и остался стоять у порога в ожидании Камиллы. Она вышла из спальни босая, в старых джинсах и линялой отцовской рубашке и, словно не замечая его, направилась в кухню.

Интересно, почему она так одевается? Старается выглядеть как можно отвратительнее? Или инстинктивно ищет защиты, надевая вещи, которые когда-то носил Колин, ее отец?

В первом случае Боб с удовольствием сказал бы Камилле, что ее старания обречены на неудачу. Живые черные глаза, нежный овал лица и мягкие губы, от вкуса которых Боба до сих пор бросает в дрожь... Что по сравнению с ними уродливая одежда? Вторая возможная причина навела его на мысль о Колине Кэмпбелле. Боб относился к нему как к родному дяде. Колин был сильным и надежным человеком, и, конечно, сумел бы защитить любимую дочь. Но его не было в живых, и он никогда уже не узнает, какие страдания выпали на долю его младшей.

Боб прошел за ней на кухню.

— Что я плохого сказал сыновьям? Что они тебе наговорили?

— Ничего. Забудем, Боб.

То, что Камила не набросилась на него с кулаками, он воспринял как маленькую победу. И то, что в руках у нее появилась щетка для волос, тоже было хорошим признаком, хотя она все-таки погрозила ему этой щеткой, прежде чем засунуть ее в карман.

— Я не хочу, чтобы твои сыновья работали на лавандовом поле.

— Тебе не нравятся мои мальчишки? — Боб мгновенно поджал губы, и в глазах мелькнул недобрый огонек.

— Мне никто не нравится, начнем с этого. Так что ничего личного. Парни у тебя что надо. Только на твоём месте я купила бы Сину эту чертову лошадь, пока он тебя в гроб не вогнал своим нытьем. А Саймону не стала бы доверять никаких тайн, он их тут же выболтает.

— Ага, — ухмыльнулся Боб, — он уже выболтал, что ты соблазняешь их разными вкусностями, которых они никогда не получают дома.

— Что за чушь? — возмутилась Камила. — Ну, принесла пару раз сандвичей да плюшек. Они же мальчишки, значит, постоянно хотят есть.

Похоже, Камила почувствовала себя оскорбленной, что ее уличили в добром к кому-то отношении. Она подчеркнуто небрежно сунула кофейник под кран и так же резко плюхнула его на плиту. Потом тем же манером достала из шкафа чашку и поставила ее на стол. Судя по всему, выступать перед Бобом в роли приветливой хозяйки она не собиралась.

— Клянусь, я не держу детей впроголодь, — словно не заметив ее манипуляции, спокойно сказал Боб. — Что бы они тебе там ни наболтали.

Камилла хмыкнула.

— Главный вопрос в том, что я не хочу, чтобы мальчики работали на нашей ферме. Я серьезно, Боб. Все было бы в порядке, если бы я могла им платить, но я не могу.

— Я плачу им.

— Знаю. И это тем более никуда не годится. Мне не нужны твои подачки. Лавандовое поле — не твоя проблема.

— Ладно. Тогда я поговорю с Летти.

Реакция Камиллы оказалась предсказуемой.

— Не шантажируй меня сестрой, Боб. Это нечестно.

— А что же мне делать? Я должен решить вопрос либо с тобой, либо с ней, до того как я...

— Ради Бога! Что ты еще придумал?!

Камилла так разволновалась, что автоматически поставила на стол вторую чашку и начала разливать кофе. Боб отхлебнул глоток. Кофе Камиллы оказался чуть менее мерзким, чем тот, что варил он сам.

— Дело вот в чем. На почву надо внести перегной, чтобы земля не пересыхала и не вымывалась водой. Потом, если, конечно, ты хочешь привести в божеский вид эти заросли, надо взять пробу грунта на pH, водородный показатель, примерно на глубине шести с половиной сантиметров. Я, разумеется, не тестировал вашу землю, но судя по моей, на соседнем с вами участке, придется выводить избыточную известь.

Камилла задумчиво опустила на стул. Боб подумал, что будь сейчас на ее месте Виолетта, она просто уставилась бы на него непонимающим взглядом. Но Камилла — другое дело. Она знала землю и любила ее. У нее, в отличие от сестер, было особое чутье. Вот и сейчас, еще не вполне разобравшись в проблемах земледелия, она сразу ухватила суть дела.

— Понятно. Но я со всем справлюсь сама.

— Да? И как это ты одна собираешься обиходить двадцать гектаров земли?

— Я разберусь, Боб. Может быть, не сразу, может быть, потребуется два-три года, но я справлюсь. Я знаю, как вносятся удобрения и перегной.

— Но ты не подумала, что это не просто земля, а лавандовая плантация, и она требует особого ухода. Мы сталкиваемся с проблемой...

— Нет никакого «мы», Макдагл! Боб молча прихлебывал кофе и не собирался возражать. Камилле пришлось спросить: — Что там за проблема?

— Вначале надо понять, что Виолетта намерена делать с этой лавандой. Пока у меня такое впечатление, что она просто заложила сад, в котором развела всевозможные сорта и гибриды лаванды. Но от него нет никакой пользы. Я узнавал, во Франции действительно используют лаванду в парфюмерных целях. Но применяется лавандовое масло, а не цветки как таковые. И если твоя сестра не собирается завалить цветами флористов половины земного шара, то надо делать ставку на масло. Для этого необходимо закупить соответствующее оборудование, прозондировать возможности сбыта. А то можно вбухать в проект немислимые суммы, а...

— Понятно. Я поговорю с сестрой. А когда она тебя бросила, Боб?

— Кто?

— Твоя бывшая. Должно быть, совсем недавно. Мальчики страшно переживают, хоть и стараются не подавать виду.

Боб уткнулся в чашку. Меньше всего он был сейчас готов говорить на эту тему. Камилла

терпеливо ждала.

— Ну, в общем-то довольно давно. Почти три года назад. Мой отец старается настроить ребят против женщин вообще, не устает изо дня в день повторять, как хорошо жить одним и все такое. Я все думал: почему? Ведь он почти молился на маму. А потом понял. Он считает, что в этом случае нас никто больше не сможет уязвить.

— Они правда очень милые, твои мальчишки.

— Да. Но их боль о том, что мать не любила их, каждый день с ними. Хотя, по большому счету, она бросила меня, а не Сина с Саймоном. Но детям этого не понять.

Боб насупился. Он не помнил, когда в последний раз говорил о Дэбби и их разводе. Пожалуй, так открыто — никогда и ни с кем.

Камилла вдруг помрачнела:

— Не подумай, что я лезу в твою жизнь. Меня это не касается. Я просто хотела сказать, что не нуждаюсь ни в чьей помощи.

Боб тяжело поднялся. Настроение Камиллы было переменчиво, как ветер в мае. Только что она по-человечески обсуждала с ним проблемы фермы, и даже проявила заботу о его собственных неурядицах и о мальчиках, как вдруг ее снова понесло черт-те куда.

— На минуту мне показалось, что я увидел прежнюю Камиллу, добрую и нежную. Прости.

Она густо покраснела, но тут же вздернула подбородок:

— Ха! Той девочки больше нет. Она исчезла навсегда. И если ты надеялся, что...

— Я ни на что не надеялся, так что прекрати на меня нападать. — Боб понизил голос: — Милл, я знаю, что такое ярость. Если бы я испытал то, что привелось пережить тебе, я бы от ярости сдирал кору с деревьев. Я понимаю, ты прошла через ад, но я-то к этому какое имею отношение? Я всего лишь старый друг, у которого есть время и возможность хоть как-то помочь тебе. И, кроме того, у меня двое сыновей, которым не помешает научиться помогать другим. Вот и все.

Камилла упрямо тряхнула головой:

— А пса я все равно не оставлю!

— Нет?

— Я немного позаботилась о нем, признаюсь. Но только потому, что не хотела, чтобы его усыпили. Как только ему станет лучше, я подыщу ему других хозяев.

— Ну что ж, это будет еще одним подтверждением того, какой эгоисткой ты стала, — вздохнул Боб.

— Да, я эгоистка. И что?

К черту! Боб уже по горло был сыт бесполезными пререканиями. Он просто схватил Камиллу в охапку и поцеловал. А что ему еще оставалось? Стоять и смотреть, как она задирает нос и мелет языком, а в глазах темнеют омуты тоски?

На этот раз Камилла хотя бы знала, к чему готовиться. Как он целовал... Какими вкусными были его губы...

И Боб прекрасно понимал, на что шел. Или хотя бы догадывался.

Первый нежный поцелуй плавно перешел в следующий. Боб запустил пальцы в ее густые, еще влажные волосы, заставляя Камиллу откинуть голову назад. От этого ее теплое тело еще плотнее прижалось к нему. Боб чувствовал ее тепло даже через необъятную бесформенную рубашку, возбуждаясь все больше.

С тех пор, как Дэбби бросила его, Боб обходился без секса. Не пускался ни в какие

авантюры. Конечно, было тяжело, но все-таки лучше, чем снова подвергнуть сердце суровому испытанию. В глубине души он сознавал, что Камилла — не лучший выбор для выхода сексуальных эмоций. Но разве в этом было дело?

Она целовала его, как бесконечно одинокая женщина. Она изголодалась по близости, изнемогала от желания коснуться мужчины, от потребности впиться в чьи-то губы, покорно подставив свои. Она трепетала от страха, но не могла устоять перед искушением. Как будто он был ее первым любовником...

— Кэмпбелл, ты флиртуешь со мной! — Боб слегка отстранил ее и заглянул Камилле в глаза. — В чем дело? С тех пор как ты объявилась здесь, ты только и делала, что со мной собачилась.

— Не бери в голову. Ничего личного. Я со всеми собачилась. А сейчас я не вижу ничего лучшего, как съесть тебя на ленч.

Нельзя сказать, что Боб воспарил в небеса. Одной ногой он все-таки стоял на грешной земле. Но в этой реальности он хотел видеть только растрепанные волосы Камиллы, ее блестящие глаза и припухшие от его поцелуев губы.

Камилла осторожно провела пальцем по его щеке.

— Боб, я не понимаю, почему ты меня все время целуешь. И почему пытаешься мне помочь. Ты должен знать, что я ходячее несчастье и совсем не подхожу тебе. И твоим сыновьям тоже. Я не готова к близким отношениям. Я вообще ни к чему не готова.

— Хорошо. И что дальше?

Она едва заметно улыбнулась. Это была первая естественная улыбка за все время.

— Просто не нахальничай, милый. Я серьезно. Когда ты меня достаешь, получаешь то, на что нарывался. Так что в следующий раз подумай, прежде чем лезть с поцелуями, понял?

Она высвободилась, медленно повернулась и вышла из дома. Только сетка от комаров захлопнулась с легким стуком.

Боб еще долго стоял посреди кухни. Он был так оглушен, будто ему дали мешком по голове или... всадили нож в сердце. Господи, что ему делать с этой Камиллой? Пока что у него не было ответа.

Вся следующая неделя не заладилась, и Камилла считала, что виноват в этом Боб. Это он растревожил ее и вывел из равновесия. Недоступный студент колледжа, герой ее девичьих грез, превратился в импозантного мужчину, который явно проявлял к ней симпатию. И хуже всего было то, что она испытывала к нему влечение.

Между ними не могло быть ничего серьезного. Вообще ничего не могло быть. Он просто помог ей выкарабкаться из ее неизбывной тревоги и вспомнить, что она женщина. Камилла попробовала было уединиться в своем коттедже, как в первые недели своего пребывания на ферме. Но из этого ничего не вышло. Киллер требовал заботы, лаванда требовала заботы. К тому же сыновья Боба каждый день являлись ей помогать.

Покормив пса, Камилла направилась к Виолеттиному «Зеленому Раю». Перед обедом небо затянули грозовые облака, и она, вернувшись с поля, решила использовать это время, чтобы поговорить с сестрой.

Она надеялась застать Летти одну, но когда заглянула в магазин, обнаружила там трех клиенток и полдюжины кошек. Два перса принялись тереться о ее ноги, едва она перешагнула порог «Рая». Камилла отступила, но длинношерстные пушистые создания не отставали от нее до самой оранжереи. В конце концов Камилла не выдержала и присела на корточки, чтобы погладить их. И тут же услышала сзади глухое ворчание.

— Черт подери, Киллер, разве это не твоя прямая обязанность — гонять кошек? Для чего ты еще нужен?

Пес стоял у нее за спиной и ревниво смотрел, как хозяйка гладит кошек.

Нет, этот сукин сын в гроб ее вгонит! Как можно его кому-то отдать и потом спать с чистой совестью?

Когда кошки получили свое, Камилла вошла в старую оранжерею, которую построили еще ее родители. Там не было модных технических приспособлений, которыми были напичканы оранжереи Виолетты. Но все здесь хранило следы присутствия матери: стол для рассады, секатор времен Второй мировой, халат и перчатки. Камилла нервно сглотнула. Мама любила цветы так же, как Виолетта, если не больше. И Дэзи сделала карьеру не садовых растениях. Камилла оказалась единственной женщиной в семье, которая не придавала значения романтическим увлечениям и финтифлюшкам, а выбрала напряженную, можно сказать, мужскую профессию и суету большого города. Но сейчас, стоя возле любимых вещей матери, она будто почувствовала слабый запах ее цветочных духов, запах лаванды и жасмина и пряные ароматы тех растений, с которыми постоянно возилась мама.

Конечно, это были фантомы. В оранжерее пахло рыхлой землей и навозом. Разумеется, Камилле не хватало матери. Но ведь она уже взрослая! Только немного сбита с толку. Ей давно уже надо было поговорить с сестрой. И не столько потому, что ее так уж заботила лаванда, просто она обещала Бобу. А вот о Бобе нечего думать!

Так что она начала осматриваться в оранжерее и увлеклась настолько, что не заметила, как вошла Виолетта.

— Камилла! Это твой подопечный? — Виолетта аккуратно обошла пса, не обращая внимания на его ворчание и едва не задев его пестрой цыганской юбкой. — А что ты здесь стоишь? Могла бы зайти в магазин.

— У тебя были клиенты, а я не спешу.

— Другими словами, ты все еще избегаешь людей. Ты хоть раз была с тех пор в городе? — Виолетта бросила на сестру быстрый взгляд. — Но это не важно. Главное, что ты здесь, и я очень рада. Ты еще не видела моих пионов? Моего зверобоя? И вот этого... Знаешь, что это такое?

Она указала на растение с серебристыми листьями, темно-синими лепестками и ярко-желтыми тычинками. Камилла решила польстить сестре:

— И что же?

— Ну? Тоже из семейства пасленовых.

— Не знаю.

— Есть разные виды пасленовых. Этот дикий экземпляр страшно ядовитый, но в малых дозах — незаменимое лекарство. Не пугайся! Картофель и помидоры — тоже из этого семейства, но все их любят...

— А это что? — Камилла попробовала отвлечь Виолетту от пространных объяснений, указав на невзрачное растение с цветками, похожими на нераспустившиеся почки.

— Ты не знаешь?! Его нельзя культивировать. Оно приживается, только если ему создать природные условия произрастания.

— Господи! И зачем тебе столько мук?

— Ты не понимаешь! Он идеален для сухих букетов. Знаешь, как люди раскупают сухие букеты? Лучше, чем приправы и лекарственные травы...

— Здорово, — кивнула Камилла. — Все, что ты делаешь, просто здорово, Летти. Но неужели ты и взаправду полагаешь, что можешь продать весь этот... Твои оранжереи похожи на переполненные квашни.

— Ну, может, я немножко переусердствовала... — Виолетта включила орошение, оторвала сухой лист там, увядший цветок здесь. — Я, право, не знаю. Я давно не заглядывала в бухгалтерские книги, все как-то не было времени. Мне пока хватает денег от развода.

— Но, милая, те деньги ты могла бы положить под высокий процент. На черный день.

— Наверное. Но когда я занялась разведением растений, я ни о чем другом уже не могла думать. Знаешь, до чего увлекательно наблюдать, как всходят семена, принимаются отводки, как из ничего вырастает весь этот удивительный зеленый мир!

— Да, Наверное... — Камилла сознавала, что, возможно, ей просто не дано понять восторгов сестры, поэтому она старалась как можно осторожнее подвести ее к предмету своих забот. — Но твои новые сорта лаванды, там, в открытом грунте... Ты не заметила, как много ты их высадила?

— Ну, наверное...

— Летти, той лаванды хватит, чтобы заполнить все Восточное побережье Штатов. Ты и сотой доли не сможешь продать в «Зеленом Раю». Может, ты имела в виду другие возможности сбыта? Продажу цветов в промышленных целях? Производство лавандового масла?

— Придет время, все само собой уладится, Милли. — Сияющая Виолетта ласково обняла сестру. — Буду я еще забивать себе голову этими маркетингами и менеджментами! И ты не морочь себя дурацкой лавандой. Хотя нет, это ведь благодаря ей тебе стало лучше! Тебе правда лучше, Милли?

— Со мной все в порядке, не беспокойся.

— Тогда сегодня вечером мы едем ужинать в Белые Холмы.

Камилла тут же ударилась в панику.

— Нет! Я...

— Ну же, Милл! Проведем чудный вечер. Помнишь, как мы ездили в город — ты, Дэзи и я? То поужинать, то пройтись по магазинам. Сколько радости приносили эти поездки! Давай! Съедем мороженое, выпьем по бокалу вина. Или сходим в кино.

— Нет. Пожалуйста, не надо! Я в самом деле не хочу. — Камилла заспешила к выходу. Киллер шел за ней след в след.

— Ну что ж, — вздохнула Виолетта. — Видит Бог, ты моя любимая сестра, и я не оставлю тебя. Либо ты едешь со мной, либо я приму радикальные меры.

— Только не звони Дэзи!

— Ну, до этого пока не дошло, — пожала плечами Виолетта. — Но предупреждаю тебя...

Камилла осторожно прикрыла за собой дверь. В прошлый раз Виолетта тоже грозилась позвонить Дэзи. Может, и теперь гроза пройдет стороной.

Настоящая гроза разразилась в обед, но быстро кончилась. Как только ветер разметал последние облака, Камилла прихватила инструмент и решительно направилась в сторону лавандовой плантации. Похолодало. Но она убедила себя, что в такую погоду работать даже лучше, чем по жаре. Старые болячки давали себя знать: ребра хрустели при любом резком движении, колени подрагивали, спина не гнулась.

И все-таки работа была тем, что ей сейчас требовалось. Каждый кустик должен приобрести округлую форму и стать похожим на соседний. Так что приходилось концентрироваться, и все посторонние мысли отключались.

Заслышав позади себя гул мотора, Камилла с трудом выпрямилась. На дороге показался белый пикап, и, конечно, Камилла его сразу узнала. К Сину и Саймону она уже привыкла, но взгляд на Боба все еще вызывал у нее сильное сердцебиение.

Когда машина остановилась, Боб остался за рулем, выставив локоть в окошко. В выходной рубашке, причесанный и выбритый, он выглядел потрясающе. Что-то в его взоре заставило Камиллу вспомнить о неистовых, страстных поцелуях, и все в ней оборвалось.

Мальчишки выскочили из автомобиля, едва он успел притормозить, и помчались к ней.

— Эй, Камилла, — орали они, перебивая друг друга, как будто не было большей радости, чем видеть ее. И это при том, что она обходилась с ними не больно-то вежливо.

— Камилла, едем с нами! — Син преодолел дистанцию первым.

— Ага, давай! Сначала поедим, а потом в кино! — Еле переводя дух, Саймон догнал брата. — Без тебя нас не возьмут.

— Так. — Камилла была готова предать сестру адскому огню. А она-то ей доверяла! То, что Летти наслала на нее Боба, не укладывалось уже ни в какие рамки!

— Представляешь, сегодня вечером нам ничего не светило. Ни ужин, ни кино.

— Ага, сидеть и зубрить. И еще горы посуды. И вдруг такое!

— Все это замечательно, но я-то тут при чем?

— Папа сказал, если мы тебя уговорим, с нас все спишется, понимаешь? И не надо будет возиться с мытьем и учебниками!

— Ты же не предашь нас, Камилла? Наша судьба в твоих руках! Давай, поехали!

Камилла была готова собственными руками придушить сестру. Нет, лучше намазать ее медом и сунуть жарким днем к пчелам в улей.

— Послушайте, парни. Я прекрасно вас понимаю. Я бы тоже предпочла кино мытью посуды и зубрежке. Но я никуда не поеду. Обойдетесь без меня. — Заметив их вытянувшиеся

лица, она поспешила добавить: — Я с утра горбилась в поле, руки у меня в земле, я вся взмокла, джинсы грязные...

— И чё такого? — Син казался окончательно сбитым с толку.

Камилла тяжело вздохнула. Девчонкам не пришлось бы это объяснять.

— А то, что я в таком виде не могу показаться на людях.

— Всего и делов-то, — облегченно выдохнул Саймон. — Полная ерунда! Ты выглядишь классно, совсем как мы.

Камилла вынуждена была принять такой комплимент, хотя он походил скорее на оскорбление.

— Послушайте, Син, Саймон, я понимаю, что вы стараетесь быть со мной милыми и вежливыми...

— Да ты чё, Камилла?..

— Чё это с тобой? Хочешь, чтобы мы до ночи корпели над учебниками и возились с тряпками?

— Это же просто кино. Чё тебе, трудно? — Син набрался духу. — Мы обещаем вести себя примерно... — Тут он заметил пса. — Эй, Дарби, как дела, старик?!

— В последнее время он отзывается на Киллера, — ввернула Камилла.

— Круто!

— Эй, слушай-ка, — нашел аргумент рассудительный Саймон, — рассматривай приглашение как приз за спасение Дарби. Чё, разве не причина?

— Может, ты не любишь гамбургеры? Или презираешь китайскую кухню, как твоя сестра?

Камилла чувствовала, что ее сопротивление будет вот-вот сломлено. Последней каплей было упоминание о нормальной еде, в противовес «здоровой», «низкокалорийной» вегетарианской пище, которую изо дня в день готовила Виолетта. При мысли о ломтиках картошки-фри, сдобренных хорошей порцией кетчупа, и сочном бифштексе она тяжело вздохнула:

— Я сказала «нет». Значит — нет. Сестра каждый день готовит мне ужин, и я не могу просто так взять и отвалить.

— О, тогда все в порядке. Папа звонил ей, и она сказала, что вечером ее не будет. Она идет к своему стилисту, или как это там у них, женщин, называется. Так что ты свободна, Камилла.

Ей надоело выслушивать их галиматью, и она хотела уже было взорваться и показать близнецам, что значит настоящая женщина, но тут поймала на себе взгляд Боба и почувствовала, как ее окатывает горячая волна желания, от которой надо непременно избавиться.

— Ну, поедem, Камилла, пожалуйста, поедem!

Они умоляли так горячо и бесхитростно, что Камилла сдалась:

— Ладно.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Близнецы заплясали вокруг нее, и она не заметила, как оказалась на заднем сиденье пикапа. Киллер протяжно завыл. Боб чертыхнулся, вышел и посадил его в багажное отделение. Камилла с удивлением наблюдала, как пес позволил взять себя на руки и понести, а потом сидел сзади с таким видом, что ничего лучшего в его жизни и быть не может.

Две минуты спустя Боб перенес его в вольер, и Киллер снова завыл.

— А ну, потише! — серьезно предупредил его Боб. — Через пару часов твоя ненаглядная снова будет здесь.

— Он так плачет! Может, возьмем его с собой? — вступился за пса Син.

— На ужин?

— Ну, он бы не отказался от гамбургера.

— А потом будет ждать два часа в машине, пока мы смотрим фильм?

Чтобы уйти от щекотливой темы, Син переключился на лошадь, которую он бы хотел. Он клянчил чуть не всю дорогу, Боб спокойно возражал, приводя все новые доводы против. Этот спор спас Камиллу от необходимости общаться с ним, но не избавил от беспокойства. Боб то и дело бросал на нее взгляды в зеркало заднего вида, что приводило ее в замешательство.

Само собой, поездку организовала Виолетта, чтоб ей! Но Бобу-то она зачем? Зачем ему надо, чтобы упрямая, вздорная женщина, какой себя чувствовала Камилла, водилась с его сыновьями?

Явно не последнюю роль играл здесь секс. Надо совсем уж впасть в кому, чтобы не заметить, что после тех страстных поцелуев, которыми они пару раз обменялись, между ними возникло нечто. Но что? Ладно, пусть на Камиллу накатывали волны этого необузданного желания, с которыми она вроде бы смирилась. Ну а Бобу зачем обхаживать женщину злующую, как гремучая змея, которая набрасывается на человека, чуть задень ее?

Дело было настолько запутанным, что Камилла отчаялась что-нибудь понять, откинулась на спинку сиденья и, повернув голову к окну, стала смотреть на пробегающие мимо пейзажи. К своему удивлению, она совершенно расслабилась, и ее мысли потекли в другую сторону. И чего она хоронит себя на заброшенной ферме? Ведь по натуре она городской житель, любит шумную людскую толпу и суету.

Вот и сейчас, когда появились пригороды Белых Холмов, она внезапно испытала приятное волнение. Камилла еще помнила эту дорогу в город. Шоссе, серпантином извиваясь вокруг холма, вело в долину с многочисленными озерами. Они проезжали мимо хозяйственных построек, сложенных из красного кирпича, мимо лугов, засеянных красным клевером, среди которого то там, то тут желтым огнем полыхали островки одуванчиков и лютиков. Слева сверкала на солнце озерная гладь, справа выгибал горбатую спину мост, и за следующим поворотом взору уже предстанут Белые Холмы. У нее стало легко на сердце. «Все будет хорошо», — подумала Камилла.

Она снова глянула в зеркальце. Боб по-прежнему наблюдал за ней, не переставая дискутировать с сыновьями о лошадях. «Как ты?» — спрашивал его взгляд. Как будто его это заботило! Камилла не хотела, чтобы он на нее так смотрел. Не хотела, чтобы ее снова и снова охватывала эта горячая волна. Не хотела вести с ним безмолвный разговор.

— Мне кажется, надо купить Сину лошадь, — сказала Камилла вслух.

Син воодушевился, получив неожиданную поддержку. «Эх ты, предательница!» — читалось теперь во взгляде Боба.

Камилла снова отвернулась к окошку. Белые Холмы были обязаны своим названием белоснежному мрамору и известняку, которые то тут, то там белели в разломах среди изумрудной зелени. Старые вязы и клены отгораживали от мостовой высокие узкие домики с зелеными ставнями, густо увитые плющом. Между ними белели тщательно выкрашенные ограды, перемежающиеся с зеленой изгородью. На самом высоком месте стояла белая

церковь с высокой шатровой колокольной. Камилла всегда любила этот вид. Городок не желал разрастаться, и здесь практически ничего не изменилось со времен ее детства. Надежное постоянство Белых Холмов сообщало Камилле чувство защищенности и покоя.

— Ну вот, мы почти на месте. Через двадцать минут начинается фильм. Предлагаю перекусить на ходу и взять что-нибудь с собой. — Боб остановился у «Макдоналдса». — Только не просите овощей и салатов и всякой здоровой пищи!

Камилла, сидевшая между подростками, с наслаждением уплетала чипсы и гамбургер, щедро политый острым кетчупом. Уже давно еда не казалась ей такой вкусной. Может, дело в самом городе и ее воспоминаниях? Незаметно для себя она заговорила о своем детстве. Мальчишки были в восторге, особенно когда она вспоминала забавные или жуткие истории.

Боб поставил машину на стоянку, и они отправились по Мэйн-стрит к кинотеатру. Камилла с удовольствием отмечала, что почта по-прежнему ютится в мини-маркете, где можно купить все, от обручальных колец до садового инвентаря. Большинство магазинчиков располагались под теми же вывесками: галантерея и парфюмерия, булочная, бутик, рядом аптека и парикмахерская, дальше лавка, где продавались и корм для лошадей, и домашняя птица. Впрочем, появилось кое-что новенькое: косметический салон и салон татуировки или пирсинга.

— Черт возьми, — склонился к ее уху Боб. — Что за загадочная улыбка у тебя на губах?

— Должна признаться, что это была хорошая идея — выбраться на пару часов в город. Но меня все еще мучает совесть, что я бросила сестру ради этой семейной вылазки.

— Поход в кино с двумя подростками ты называешь семейной вылазкой? Не смей меня! Они будут весь сеанс хрустеть попкорном и хохотать до упаду. Я просто был рад разделить с кем-то эту пытку.

Камилла невольно рассмеялась. Ее смех звучал еще немного принужденно, но это был смех! Боб, не раздумывая, тут же наградил ее легким поцелуем в лоб.

В следующее мгновение они уже протискивались в толпе к кассам. Боб пошел за билетами и дал Камилле задание купить попкорн и напитки. На сыновей рассчитывать было нечего — какой подросток добровольно возьмет на себя заботы о ближнем?

— Так ты решила, что наш поход — происки Виолетты? — спросил Боб.

Уже начался журнал. Зал был не то чтобы полон под завязку, но все-таки слишком много народу для середины недели. Близнецы тут же ринулись в передний ряд.

— Нет, так близко к экрану я сидеть не могу, — прошептал Боб. Камилла кивнула. — Выбери место, а я — за тобой.

Камилла поразилась, насколько она отвыкла от людей. Море человеческих голов в темном зале, шорохи и скрипы бросили ее в холодный пот. «Все в порядке», — одернула она себя и направилась в последний ряд, где никто не будет дышать в затылок.

Держа в руках кулек с попкорном, Боб наклонился, чтобы поставить между ними большую бутылку с колой. Мимолетное прикосновение его плеча заставило ее пульс участиться.

Все было вроде бы в порядке. Первые десять минут. А потом на нее накатило.

Фильм был классической комедией положений. Двое глупых полицейских, постоянно оступаясь и падая, гонялись за тремя преступниками, все время хватая не тех, кого надо. Зал взрывался хохотом. Камилла тоже смеялась. Ей было весело, по крайней мере она так думала.

А потом началась сцена в темном переулке дождливой ночью. На листьях деревьев

блестели капли дождя, качался одинокий фонарь, двигались призрачные тени. Камилла вдруг обратила внимание, как темно в зрительном зале. Непроглядная тьма. Как той ночью. И этот тусклый фонарь... Она попробовала сосредоточиться на содержании фильма. Но теперь из темноты отовсюду надвигалась опасность. А где-то поблизости притаились трое отморожков.

Камилла тряхнула головой и снова уставилась на экран. Вот идет веселый, ничего не подозревающий Роберт. Она слышит свой смех. Они же в центре города, кому придет в голову бояться? И вдруг, как вспышка молнии, — весь этот ужас. Бледные, с черными синяками под глазами лица — и боль, боль, боль... Ее бросило в жар, сердце готово было выпрыгнуть из груди.

— Камилла, что случилось? — услышала она шепот Боба.

Разве он может развеять этот кошмар?! Собрав волю в кулак, Камилла постаралась ответить как можно спокойнее:

— Ничего. Я выйду на минутку.

Ей срочно надо было на воздух. Она протиснулась мимо Боба и стремглав бросилась из зала вниз по лестнице. Дыхание перехватило, кровь стучала в висках. Казалось, еще минута — и все кончится. На последней ступени Камилла споткнулась и чуть не повалилась носом вперед. Скорее, через тесный проход, через тяжелую металлическую дверь. Скорее!

Глубоко вдохнув, Камилла перегнулась через парапет, и ее вывернуло наизнанку. Потом еще и еще раз. С трудом распрямившись и утирая испачканный рот, она заметила, что рядом стоит Боб.

Боб понял, что Камилле плохо, и последовал за ней. Но она так быстро испарилась из темного зала, что, выйдя в фойе, он не сразу сообразил, куда она могла деться. Только заслышав стук тяжелой задней двери, он выбежал следом. В полутьме мелькнул красный рукав ее рубашки.

Боба обуревало чувство вины. Как он мог не подумать о возможных последствиях? Просто взял и швырнул Милл в водоворот жизни! Забыв, в каком состоянии она находилась последние месяцы!

Боб свернул к стоянке, и тут у парапета увидел ее. Заметив его присутствие, Камилла сжалась. И прежде чем Боб успел вымолвить хоть слово, хрипло прошептала:

— Возвращайся к мальчикам. Со мной все нормально. Подышу свежим воздухом...

Какого черта он потащил ее в кино? Мальчики сказали, что это смешная комедия. Но он понятия не имел, что там будут копы и преступники.

— Иди! — прохрипела она.

Вместо того чтобы уйти, Боб подошел ближе. И в ту же секунду отчетливо и бесповоротно понял, что безнадежно влюбился в Камиллу.

Без сил она опустилась на корточки, обхватив свои плечи руками. Худенькие цыплячьи плечики вздрагивали. Белое, как мел, лицо и обескровленные губы еще сильнее подчеркивали панический страх, затаившийся в ее черных глазах. Боб не мог безучастно смотреть на ее страдания и наклонился к ней:

— Эй, потише. Тебе просто привиделось.

— Да. Не бери в голову. Это случается со мной каждую неделю. Сейчас пройдет.

Ее храбрый тон и сквозившая в голосе обреченность повергли его в бешенство. Но что он мог сделать?

Боб присел рядом.

— Это из-за фильма?

— Кто знает! Могло быть что угодно. Иногда самый безобидный шорох бросает меня в дрожь. И я веду себя по-идиотски. — Камилла провела рукой по лицу. — Уходи, Боб. Пожалуйста! Мне стыдно, что ты увидел меня в таком состоянии! Не волнуйся, сейчас все пройдет. Мне нужно несколько минут покоя.

Охотнее всего Боб заключил бы ее сейчас в объятия, попытался бы утешить. Но, похоже, его предыдущие попытки привели к совершенно противоположному результату. Ясно, что она не хотела сочувствия, но он не мог просто так повернуться и уйти. Поэтому, не двигаясь с места, Боб простодушно изрек:

— Я не знал, о чем фильм. Я думал, это веселая комедия.

— Не упрекай себя. Это не твоя вина. Просто мне не надо было ехать в город.

— Хочешь заживо похоронить себя на ферме? — взвился он. — Какую еще глупость ты придумашь?

— Не наезжай на меня, Боб. Конечно, я должна зарабатывать деньги, и однажды я выйду из дома, чтобы найти работу. Но мне еще нужно время. — Она резко подняла голову. — Только не посылай меня к психиатру!

— Мне и в голову не пришло...

— Я слышать ничего не хочу о психиатре. Я не сумасшедшая!

— Эй, потише! Я хоть слово сказал?

Этот упрямо вздернутый подбородок! Эти полные боли черные глаза! «Дай мне любить тебя, — слабея, думал Боб. — Дай мне помочь тебе! Дай защитить тебя от любых напастей!» Конечно, он не мог произнести этого вслух. Не имел права.

— Я сама справлюсь, Боб. Если я проявила минутную слабость, это вовсе не значит, что я не могу взять себя в руки!

Попытка оправдать себя пошла Камилле на пользу. Ее щеки снова порозовели, плечи перестали дрожать.

— И если я на какое-то время потеряла над собой контроль, — горячо продолжала она, — это из-за моей самостоятельности.

— Самостоятельности? — недоуменно переспросил Боб.

— Да-да, — закивала Камилла. — Родители воспитали во мне уверенность, что я смогу достичь всего, если буду добиваться собственными силами, если буду работать не покладая рук. И я чувствовала, что могу завоевать весь мир!

— Именно в таком духе я хочу воспитать и моих сыновей.

— Не делай этого, Боб! Иначе и с ними случится то, что испытала я. Когда чувствуешь себя бессильной и совершенно беспомощной. Когда перед тобой разыгрываются страшные события, а ты и пальцем не можешь пошевелить, чтобы предотвратить их. Как в дурном сне. И тогда накатывает страх, который не отпускает ни на минуту. Страх, который крадет все силы. Страх жить в этом мире, среди людей. Те подонки отняли у меня не только Роберта, но и мое будущее.

Боб почувствовал непреодолимое желание взять этого несчастного, обиженного ребенка на руки, убаюкать и укрыть от бурь и невзгод. Но нет, перед ним была женщина, взрослая женщина, которая должна бороться сама, чтобы вновь обрести волю к жизни.

— И поэтому ты снова забьешься в нору вместо того, чтобы жить в реальном мире?!

— Что? — Камилла не ожидала такой реакции.

— Разве не это ты только что выразила? Страх, с которым ты не можешь справиться. Страх даже войти в зрительный зал.

Камилла так и застыла с открытым ртом.

— Я могу с этим справиться!

— Ха, и поэтому ты сидишь здесь и дрожишь как осиновый лист? Это не называется «справиться». — Боб увидел, как широко раскрылись ее глаза, в которых зажглось упрямство, и продолжил: — Сколько ты еще будешь прятаться по углам и жалеть себя, вместо того чтобы, как все нормальные люди, смотреть кино?

Камилла казалась обиженной до глубины души, зато расправила плечи и вскочила:

— Я же сказала тебе, что вышла всего на минуту! Да, у меня слегка дрожат колени. Но это ничего не значит! Со мной все в порядке.

— Ну, если ты так думаешь...

— Да, черт подери, именно так я и думаю!

Камилла помчалась обратно в зал, села на свое место и до конца сеанса не произнесла ни слова.

Так же молчала она и на обратном пути в машине. Мальчишки ничего не заметили. Они оживленно обсуждали фильм, разыгрывали разные эпизоды и развлекались, как могли. Все было как обычно.

Но Бобу вдруг пришло в голову, что он до сих пор не обращал внимания на их

взаимоотношения с Камиллой. Станным образом мальчишки приняли эту женщину, и даже поверяли ей свои тайны. Камилла не сюсюкала с ними, не пыталась наставлять и казалась скорее равнодушной в обращении, но принимала близко к сердцу их заботы и радости. С тех пор, как их бросила мать, она стала первой женщиной, которую Син и Саймон признали.

Однако к самому Бобу она относилась холодно и равнодушно. Да, он ее задел. Она не ожидала, что он посмеет сказать что-то критическое в ее адрес. Что он не станет выражать соболезнования, а просто возьмет быка за рога. Он стал для нее красной тряпкой. Но что делать? Кто-то должен вернуть ее к жизни!

Когда пикап остановился у коттеджа, Дарби неистовым лаем выразил все, что он думал по поводу долгого отсутствия хозяйки. Камилла вышла и пожелала близнецам спокойной ночи, игнорируя Боба. Ладно, он переживет и это.

Как только исчезли красные огоньки пикапа, Камилла поспешила в дом за поводком. Когда она вошла в вольер Киллера, тот метался и лаял как бешеный.

— Успокойся уже, глупая псина! Кроме меня здесь никого нет. — Киллер был не в восторге от поводка. — Что, не нравится? Но сегодня я не могу выпустить тебя без привязи. Еще набросишься на кого! Я сама знаю, что такое плохое настроение. Так что у тебя есть выбор: либо гулять на поводке, либо остаться без прогулки.

Наконец ей удалось застегнуть ремешок у него на шее, и, когда она уже распрямилась, Киллер шершавым языком лизнул ее в щеку.

— Только не воображай, что ты для меня что-то значишь!

Пса это мало волновало. Он встряхнул ушами и затрусил подле Камиллы, приспособливаясь к ее шагу.

Камилла часто гуляла по ночам. С тех пор, как она работала в поле, спалось ей намного лучше, хотя иногда ее все еще донимали кошмары. Тогда она вставала и шла бродить под звездным небом. Киллер сопровождал хозяйку, так что бояться было нечего.

Сегодняшним вечером она, сама того не замечая, взяла быстрый темп, что хорошо помогало выпустить пар. Ее мысли вновь и вновь возвращались к Бобу. Что этот придурок о себе воображает! Подумать только! Обвинить ее в том, что она не в состоянии выдержать даже фильм! Представить ее трусихой, которая боится на шаг удалиться от фермы!

Боб понятия не имеет о том, через что ей пришлось пройти! И слава Богу! А она-то и первый раз с того злосчастливого вечера решилась рассказать. Немного, но все-таки... Так вдруг захотелось облегчить свое сердце... А вместо этого он принялся ее упрекать. Придурок, одно слово — придурок!

С того вечера, когда все случилось, все старались ее утешить, все обходились с ней как с хрустальной вазой. Все! И только этот медведь постоянно наступал ей на больную мозоль. С каким удовольствием она расцарапала бы его нахальную морду!

Камилла оступилась и чуть не полетела на землю. В этот момент она увидела у себя на веранде Боба. Он стоял под лампой, как будто не хотел, чтобы она испугалась при виде выступающей из темноты фигуры. Но чувство, охватившее ее, можно было назвать как угодно, только не страхом. И не злостью. Хотя первой мыслью Камиллы было: «Сейчас он у меня получит!»

Киллер залаял и принялся рваться с поводка.

— Эй, Дарби, потише!

Пес сначала сел перед Бобом, а потом улегся у его ног, положив морду на передние

лапы. Камилла только покачала головой при виде такой кротости.

— Что ты здесь делаешь? — спросила она, отстегивая поводок.

— Жду тебя.

— Это понятно. А зачем?

— Потому что у меня создалось впечатление, что ты обиделась.

— Конечно, обиделась.

— Так вот, я хотел сказать тебе, что нечего дуться как капризная барышня. Ты вполне в состоянии выдержать мои не слишком-то приятные замечания да еще и ответить.

— Вот тут ты чертовски прав!

Камилла решительно придвинулась к Бобу, выставив вперед палец, и сама не заметила, как оказалась в его объятиях. Его поцелуй был по-мужски требовательным и таким глубоким, что Камилла едва не задохнулась.

Не выпуская ее губ и тесно прижав Камиллу к себе, Боб потянул ее в дом, прикрыл дверь и выключил свет на веранде. Теперь обе его руки были заняты только Камиллой.

Только лунный свет в глазах Боба — вот и все, что осталось от большого мира, отступившего во тьму за незашторенными окнами. Опустив голову на его мускулистую грудь, она чувствовала себя не просто в безопасности. Впервые за последние полгода — если вообще не впервые в жизни — Камилла, обессиленная и вычерпанная до дна, ощутила, как в ней зарождаются новые жизненные силы и крепнет уверенность в завтрашнем дне...

— Я знал, что нам будет хорошо, Милл, но чтобы так! Я никогда не испытывал ничего подобного, — проговорил Боб.

— Я тоже, — тихим голосом призналась она, радуясь, что в темноте не видно, как краска заливает ее лицо. — Я целую вечность не чувствовала себя такой... живой, что ли. Я и подумать не могла, что смогу еще когда-нибудь хоть что-то почувствовать...

— Тебе нужно время, чтобы оправиться. Теперь все будет хорошо.

Камилла еще больше смутилась и осторожным движением убрала прилипшую прядь с его лба. Она ни о чем не жалела. Боб помог ей на свой лад. Как мужчина может помочь женщине почувствовать себя желанной, а значит — живой.

Но ведь речь не о ней одной. У Боба двое сыновей, которых предала мать. Разве он может вступить в более или менее постоянную связь с какой-нибудь женщиной, бередя еще больше их душевные раны?

Сама она меньше всего была готова увидеть себя в роли спутницы жизни Боба. Да еще мачехи его сыновей. Вот уж совсем неподходящая кандидатура! Камилла жила, не загадывая дальше завтрашнего дня.

— Ну и как мы все это назовем, Боб Макдагл?

— А тебе непременно нужно давать всему названия? Я не люблю навешивать ярлыки.

— Я тоже, но не хотелось бы причинить тебе боль.

— Я большой мальчик.

— Я заметила. — Камилла положила руку ему на живот.

Боб пальцем провел по кончику ее носа:

— Я не это имел в виду.

— Да? Разве? Тогда скажем так: я не знаю, что с нами дальше будет.

— Как захочешь, так и будет. То, что мы посчитаем естественным в наших отношениях.

Уж кто-кто, а Камилла знала, как легко, в одно мгновение, может быть разрушена вся жизнь. Боб казался сильным и крепким, да таким он, собственно, и был. Но еще несколько

минут назад проглянуло в нем что-то незащищенное, и он нуждался в своей Милл так же сильно, как она в нем.

— Хорошо. Это меня устраивает, — серьезно сказала Камилла. — Пусть будут естественные отношения. Только бы ни один из нас не питал несбыточных ожиданий.

Боб остановил свои поглаживания и попытался поймать ее взгляд.

— Чего ты боишься, Милл?

Она боялась многого. Боялась ранить его чувства. Боялась разочаровать мужчину, заслуживающего такую женщину, которая никогда не разочаровала бы его. Боялась слишком привязаться к нему. Но вслух она сказала:

— Не стану тебя обманывать, Макдагл. Я любила Роберта. И до сих пор люблю его. И не в моей власти это изменить.

— А кто тебя об этом просит? — отчеканил Боб и, словно устыдившись своей резкости, привлек ее к себе и поцеловал.

Камилла ответила на его поцелуй. Их страсть разгорелась с новой силой, и они снова любили друг друга так, что у Камиллы больше не было ни сил, ни возможности предаваться размышлениям.

Посреди ночи она заметалась в кошмаре, но Боб снова обнял ее, утешил, успокоил и прогнал все страхи.

Когда она открыла глаза в следующий раз, за окном занимался новый день, а Боб исчез.

Целых три дня Макдаглы были озадачены дурным настроением главы семейства.

Этим утром Боб слышал наверху шевеление, быстро допил свой кофе и натянул на лицо улыбку. Когда послышались первые звуки традиционной утренней перебранки близнецов, он уже взбивал яйца для омлета. А когда раздался стук палки отца, доставал из тостера последнюю порцию поджаренного хлеба.

Отец появился в кухне первым.

— Ну и жару обещали на сегодня, — привычно проворчал он. — Двадцать восемь градусов — это уж слишком для мая!

— Хм. — Боб заметил, что его односложный комментарий прозвучал не очень-то приветливо, и повторил его более дружелюбным тоном.

Макдагл-старший налил себе кофе, сел на табурет и бросил на сына обеспокоенный взгляд. Но поскольку тот продолжал помалкивать, спросил:

— Ты хоть на минутку прилег сегодня? Уже три ночи слушаю, как ты меряешь шагами комнату. Ты не заболел?

— Я чувствую себя бодро, как никогда, — заверил Боб. — А как у тебя дела, отец?

Джон Макдагл чуть было не проглотил язык — сын никогда не справлялся о его здоровье. И не потому, что не любил его, а просто старик имел обыкновение расписывать свое состояние до мельчайших подробностей. Он не нашелся, что ответить, и только молча наблюдал, как Боб готовит омлет, тосты и яблочный сок.

— Ты подаешь мне завтрак?! — не выдержал он.

— Разве плохо начать утро с хорошей еды?

— Да нет, я не жалуюсь... — смешался Макдагл-старший и, воспользовавшись тем, что у сына, похоже, исправилось настроение, осторожно спросил: — Видел, ты вчера получил толстый пакет. Новая работа?

— Да.

В другое время его порадовал бы этот заказ. Боб работал на разные учреждения, но научные переводы для Лэнгли приносили ему особое удовольствие от работы. Однако сейчас ему предстоял перевод посложнее.

Боб интуитивно чувствовал, что высказывания Камиллы далеко не всегда выражают то, что она в действительности думает и чувствует. Как ее понять? Как правильно перевести на свой язык ее мысли?

Мальчишки штурмом взяли кухню и, выхватывая друг у друга ложку, навалили на свои тарелки горы омлета. Боб пододвинул им стаканы с соком, скользнул взглядом по отцу, занятому утренней газетой, и уставился в окно.

На дворе светило раннее солнце. Но Боб видел перед собой не капли росы на траве и не кронах яблонь. Перед ним сверкали глаза Камиллы. Так же сияли они и в луче лунного света три ночи назад. Он вспомнил шелковистость ее кожи, упругость ее обнаженного тела и... выронил стакан из рук. Близнецы притихли: отец даже не выругался! Боб машинально взял тряпку и стал вытирать лужицу.

Нет, он нисколько не обиделся, когда под конец их безумной ночи Камилла сказала, что все еще любит своего Роберта. Его скорее удивило бы, если бы было наоборот. Камилла — не Дэбби. Если уж она выбрала человека, то это до конца жизни. Камилла не убивалась бы

так по умершему мужу, если бы не любила его...

Боб встряхнулся. Отец говорил что-то о визите к главному врачу, сыновья непривычно молча жевали. Через пару недель закончится школа, у них начнутся каникулы... Боб посмотрел на детей и снова уставился в окно. Ободренный его взглядом, Син немедленно возобновил свои приставания:

— Пап, не хочу действовать тебе на нервы, но лошадь...

— Ладно.

— Что — ладно? Ты купишь мне лошадь? Ура! — Син сорвался с места как сумасшедший.

Боб смотрел в окно. Как нежно она прижималась к его груди... И как бурно, как самозабвенно откликалась на его ласки. А ведь он уложил ее в постель, ничуть не думая о взаимности! Он притворялся, что хочет переспать с Камиллой ради нее. Какой эгоизм!.. Но ведь не только эгоизм. Она так замкнулась в себе, и он правда не хотел, чтобы нашелся какой-нибудь идиот, который воспользовался бы этим и обидел ее. А он никогда такого не сделает. То, что он переспал с ней, совсем не обидело ее. И его тоже. Он поможет ей выздороветь. Что в этом плохого? И пусть она по-прежнему чувствует привязанность к своему Роберту. Это даже вызывает уважение.

От размышлений его оторвал вид внезапно возникших перед ним близнецов, которые с гиканьем неслись к желтому школьному автобусу.

— По-моему, Саймон прикончил дистанционный пульт. Он утопил его в ванне. — Отец понес посуду в мойку.

— Хорошо.

— Не думал, что ты согласишься купить Сину лошадь. Но раз так, я куплю ему повозку. Ты не против?

— Конечно.

В глазах Джона зажегся озорной огонек:

— На следующей неделе мы с мальчиками едем на Аляску.

— Ладно.

— Ты сегодня работаешь у себя в кабинете или пойдешь на плантацию Камиллы?

Боб распрямылся, как струна.

— Надо делать переводы, не меньше двух-трех часов. А потом соберу работников — подойдут грузовики с перегноем.

Джон расхохотался. Боб недоуменно обернулся:

— Что здесь смешного?

— Ты все утро торчишь у окна, но скажи я тебе, что солнце синее и идет град с голубиное яйцо, ты бы, не задумываясь, согласился. Потому что ничего не слышишь. Но стоило мне произнести имя Камиллы, и ты — весь внимание.

— Не понимаю, что ты имеешь в виду.

— Сынок, если я стар и немогущ, это вовсе не значит, что я не помню, каким был в молодости. Во вторник ты не ночевал дома, и я не думаю, что ты ходил играть в домино.

Боб раскрыл рот, чтобы выразить свое негодование и задать отцу по первое число. Но пока он подыскивал слова, Макдагл-старший, который обычно едва передвигался по дому, в мгновение ока исчез.

Перед «Зеленым Раем» Камилла заметила припаркованные машины, но все-таки вошла

в магазин. Три дня она дулась на сестру, в гробовом молчании поглощая ее обеды. Но Виолетта, казалось, не обращала на это внимания, и сегодня Камилла твердо решила разобраться с ней. Конечно, она не станет нападать на сестру при клиентах, но ведь когда-нибудь они уйдут!

Переступив порог, Камилла тут же увидела Виолетту за прилавком и подала ей знак, что хочет поговорить. А пока та была занята, прошлась по «Раю», стараясь никому не попадаться под ноги.

Сегодня на голове Виолетты снова красовалась одна из ее широкополых соломенных шляпок с пышными бантами. Одному Богу известно, зачем нужна шляпа в магазине! Буйные локоны не могли прикрыть круглых серег, свисавших чуть не до плеч. Пестрая юбка, кружевная блузка и высокие легкие ботинки на шнуровке дополняли картину.

Камилла никогда в жизни не напялила бы на себя подобный наряд, даже если бы это было последнее, что оставалось в ее шкафу. Какие они все-таки разные с Виолеттой! Но на мгновение она почувствовала себя замарашкой рядом с ухоженной сестрой. Нет, она теперь снова регулярно мылась и меняла белье, но по-прежнему носила потертые джинсы и старые рубашки отца. Ее элегантные туалеты все еще лежали по коробкам. В отличие от Виолетты, Камилла предпочитала строгий стиль и скромные украшения из серебра или белого золота. И никогда не позволяла себе небрежного, неприбранного вида.

Камилла остановилась у зеркала и посмотрела на свое загорелое, обветренное лицо. Оно живо напомнило ей о Бобе, и она отвернулась.

Виолетта все еще обслуживала клиентов, и Камилла в первый раз с интересом наблюдала за сестрой. С покупателями Виолетта была приветлива, почти ласкова. Улыбчивая, женственная, она готова была каждому помочь и каждому поднять настроение. Наверное, поэтому ее магазин пользовался бешеным успехом. Камилла залюбовалась сестрой и совершенно забыла, что сердится на нее.

Наконец последняя клиентка вышла, и Виолетта с улыбкой подошла к Камилле.

— Ты предательница, — без особого энтузиазма принялась ругаться Камилла, вспомнив о цели своего прихода. — Это ты навязала мне Боба? Как ты могла!

— Что? — не поняла Виолетта.

— Уже не помнишь? Три дня назад ты мне грозила, что, если я не поеду с тобой в город, ты примешь меры. Я думала, ты собираешься звонить Дэзи!

Виолетта проскользнула за прилавок и занялась уборкой — после посетителей на прилавке осталась целая куча лепестков, листьев и веточек. Она расставила по местам баночки и горшочки, поправила сухие букеты и букеты из живых цветов.

— Я и звонила Дэзи.

— Ты пожаловалась на меня Дэзи?!

— Конечно. Можешь подать мне ленточки вон с той полки? Да, золотую, красную и, пожалуй, бледно-лиловую. — Она принялась собирать букет. — Мы почти двадцать минут говорили о тебе и все ломали голову, как вытащить тебя на люди.

— Я бы и сама выбралась, когда посчитала нужным!

— Может быть. Главное, наш план сработал. Я знала, что Боб тебя уговорит, и оказалась еще как права. Возьми еще вон ту изумрудную и разрежь ее на кусочки длиной сантиметров по тридцать.

— Я здесь не для того, чтобы резать твою ленту! — Камилла взялась за ножницы. — И что значит твое «еще как»?

— Знаешь, Милли... — В ловких руках замелькали садовые ножницы, на прилавок градом посыпались обрезанные стебельки, веточки, цветки и листочки. — Боб так изменился после своего развода. Помнишь, каким он был в колледже? Мистер Плейбой. Всегда веселый, задиристый. Девчонки бегали за ним табунами. Он обожал вечеринки и всякие развлечения. Мог переспорить кого угодно. Мог убедить преподавателя, что выполнять задание вовсе не обязательно, мог прогулять лекции и семинары и не получить за это нагоняя...

— Давай ближе к делу! У меня память еще не отшибло.

— Может, ты тогда не слышала, что на втором курсе он как дурак влюбился в Дэбби и сразу женился. Поначалу все шло хорошо, а потом у них родились близнецы, и через год умерла его мать. — Виолетта покачала головой. — Бывают такие события в жизни, когда человек сразу становится взрослым. Так вот, Боб повзрослел, а Дэбби, к несчастью, нет.

— Что хочешь этим сказать?

— Ленты готовы?

Слушать болтовню сестры и одновременно резать ленты было нелегко. Но надо было ублажить Виолетту, чтобы она продолжила свой рассказ, и Камилла снова взялась за ножницы.

— Так вот... Когда малыши появились на свет, Боб с ума по ним сходил. Качал на руках, когда они плакали, таскал по врачам, когда болели, — в общем, возился и за папу, и за маму. Насколько я знаю, Дэбби в принципе хотела ребенка, но не понимала, скольких забот он стоит. А уж когда родилась двойня...

— Как получилось, что я ничего этого не знала?

— Ты уехала учиться. — Виолетта поставила букет в вазу. Неожиданно он показался Камилле изысканнейшим произведением искусства. — А потом получила крутую работу, и в твоей жизни появился Роберт. Тебя уже не интересовало, что происходит дома. Меня, наверное, тоже, я уже была замужем. Мы все разлетелись. — Виолетта глубоко задумалась. — Потом умер отец, а следом и мама. Мы были слишком поглощены своим горем, чтобы обращать внимание на соседей. Да... Когда играли твою свадьбу, Боб уже остался один, но кому было тогда до него дело! — Она тяжело вздохнула. — Боб вернулся на ферму, потому что после смерти миссис Макдагл Джон стал совсем плох. Но Дэбби не понравилась жизнь в деревне. Она рвала и метала, и скорее небо рухнуло бы, чем она взялась за хозяйство.

— Но...

— А Бобу здесь по душе. И еще больше мальчишкам. На природе, на свободе. Он занимался и домом, и фермой, а потом ему предложили еще и хорошую работу на дому. Теперь он мог обеспечить семью. Ведь Дэбби-то ничего не зарабатывала.

В поисках Камиллы Киллер просунул в дверь голову. Кошки мгновенно взлетели на табуреты.

— Наверное, Боб догадывался, что его жена постоянно изменяла ему.

Камилла оторопела.

— Этого просто не может быть! Как можно изменять Бобу?!

— Я тоже с трудом могу себе представить. — Виолетта поставила в вазу второй, не менее совершенный букет. — Не потому, что у нас с Бобом что-нибудь было. Просто он всегда казался мне таким мужественным, таким... привлекательным, таким...

— Сексуальным, — закончила за сестру Камилла.

— Да, точно. По нему с первого взгляда видно, что он потрясающий любовник. Это не скроешь.

— Ради Бога, Летти! Все мужчины любят секс.

— Ха, но не все понимают в нем толк. Думаешь, много тех, кого волнует процесс, а не конечный результат? Думаешь, каждый умеет играть, и ласкать, и думать о женщине, а не только о собственном удовлетворении? — Виолетта саркастически усмехнулась. — После того, как Дэбби его бросила, Боб потерял всякий интерес к женщинам и занимается только работой и семьей. Он превратился в жуткого зануду и нелюдима. Пригласи его в ресторан или на вечеринку, и он найдет тысячу причин, чтобы не пойти.

По дороге к своему коттеджу Камилла чувствовала себя подавленной и угнетенной. Из разговора с сестрой получалось, что Боб не такой уж и толстокожий. А наоборот, несмотря на его мужественную внешность, очень даже ранимый. И она уже почти пожалела, что провела с ним ночь. Она сделала это из чистого эгоизма. Но одно дело поддаться минутному порыву, и совсем другое — причинить человеку горе. Такая случайная связь может только нанести вред Бобу. Ему нужна женщина, которой он мог бы доверять, на которую мог бы положиться, не такая, как Дэбби... или Камилла!

Вдруг до нее донесся шум мотора. Киллер дремал под деревом. Он открыл один глаз и посмотрел на хозяйку. На грохот техники и гул моторов он не реагировал — он к ним давно привык. Камилла, напротив, была обеспокоена. Она прислушалась — шум доносился с лавандовой плантации.

Камилла поспешила подняться на холм, с которого был виден участок. У края плантации стоял белый пикап Боба. По полю, как муравьи, сновали какие-то люди. Они сгружали перегной с трех грузовиков, медленно ползущих вдоль рядов, вилами укладывали его под лавандовые кусты и разравнивали.

Она была возмущена до глубины души тем, что ее предостережения на Боба не подействовали. Но еще больше она испугалась, что эта его благотворительная акция еще больше запутает их и без того непростые отношения. Пылая праведным гневом, она бросилась вниз с холма. Киллер, приняв это за веселую игру, стремглав устремился за Камиллой.

Боб стоял к ней спиной и разговаривал с рабочими по-испански. Киллер подскочил к нему, и он мгновенно обернулся.

— Привет, Милл! — Он потрепал пса по загривку. — Знакомься, это Эл. Эл уже несколько лет работает на моей ферме. А это хозяйка, мисс Кэмпбелл.

— Очень приятно. — Камилла пожала Элу руку. — Макдагл, мне надо поговорить с тобой.

— Сейчас, только...

— Немедленно! — Она отошла в тень большого вяза. Ей придется как-то сдерживать себя, чтобы не выставить Боба дураком перед работниками.

Боб подошел к ней с обезоруживающей улыбкой на лице. Как будто знал, что с ней творится от этой улыбки... Когда в последний раз он ей так улыбнулся... она хорошо помнит, что произошло. Камилла в негодовании тряхнула головой, чтобы избавиться от наваждения.

— Что, черт подери, ты делаешь на моем поле?

— А разве не видно? Я думал, ты узнаешь перегной.

— Оставь свои шуточки, Боб! — Она ткнула пальцем ему в грудь.

Боб нежно взял ее за руку, словно не поняв угрожающего жеста, и спокойно начал:

— Два дня назад я взял пробу на pH. Небольшое превышение извести до осени не повредит, а вот внести перегной необходимо срочно. Обычно перегноем не удобряют, когда растения уже дали побеги, а обрезка еще не закончена. Но на выходные обещали сильную грозу, и если ты все еще рассчитываешь на урожай, надо укрепить почву, пока всю землю не смыло ливнем.

Камилла неохотно отняла свою руку.

— Макдагл, я знаю, как выглядит перегной, и знаю, для чего он нужен. Я только не знала, что этой чертовой лаванде нужна целая тонна перегной! Мне это сейчас не по карману.

— Я заплачу.

— Ни в коем случае!

— Твоя сестра согласна.

— Виолетта согласилась, что ты берешь расходы на себя?!

— Она согласилась, что я помогу вам справиться со всем этим хаосом, хотя львиную долю работы, конечно, берешь на себя ты. Но один в поле не воин. — Боб потер подбородок и хитро сверкнул глазами. — Разве мы не покончили с этой темой раз и навсегда?

На взгляд Камиллы, он уж слишком наслаждался разговором.

— Я тебя сейчас поколочу, Боб. Ты что, не помнишь, чем кончился наш спор?

— Очень хорошо помню! — В его глазах запрыгали лукавые чертики.

Камилла слегка смутилась, но быстро взяла себя в руки:

— Боб, ты должен был сказать о своих намерениях, а не вторгаться сюда с отрядом гуннов.

— Минутку! — Боб посерьезнел. Он бросил беглый взгляд на поле, чтобы убедиться, что все снова заняты своей работой, оттащил Камиллу в тень. — Ты что, считаешь меня таким самодуром, что я мог самовольничать? Разумеется, я поставил в известность Виолетту, ведь с тобой мы эти дни не виделись. Я просто спешил из-за погоды. Если пройдет сильный дождь до того, как уложим перегной, на урожай можно не рассчитывать.

— Ты говорил с Виолеттой?

— А что? Ведь мы с тобой решили, что надо ввести ее в курс наших планов и извлечь из этой плантации хоть какую-то выгоду! Она очень обрадовалась. И сама предложила мне взять в уплату часть урожая. Так что, как видишь, никакой благотворительности.

— Макдагл, не вешай мне лапшу на уши! Моя сестра понятия не имеет ни о деловых отношениях, ни о сделках, ни об урожаях.

— Вот и у меня сложилось такое впечатление. Она говорит только о том, как любит лаванду. По-моему, у нее нет ни капли здравого смысла. Иногда мне кажется, что от нее вообще невозможно добиться нормального ответа.

— Оставь Виолетту в покое!

— Да я ничего, просто стараюсь быть объективным. Виолетта замечательная девчонка, но у нее в голове одни цветочки да бабочки. Спроси ее о чем-то конкретном — и не получишь в ответ ничего вразумительного. Похоже, и ты такая.

— Ну, знаешь!..

— А что? Надо же понимать, что, независимо от ваших настроений, дела должны делаться в срок. Если это поле вовремя облагородить, появится шанс на хороший урожай. И надо сначала привести здесь все в порядок, а потом уже заставить твою сестру думать

дальше, даже если для этого придется сделать ей трансплантацию мозга.

Как гром среди ясного неба поразила Камиллу мысль, что она спорит с Бобом о вполне реальных проблемах. Более того, она сама решает эти проблемы. Камилла обвела взглядом лавандовую плантацию. Команда Боба дружно работала, рассыпавшись по всему полю. Веселые шутки и смех заглушали даже гул техники. Да и само поле выглядело теперь как-то свежо и радостно. Правда, обрезка не закончена еще и наполовину, но обработанные кустики распрямились, на них уже полезли свежие побеги и зазеленели почки. Пахло влажной землей.

Ее взгляд вернулся к Бобу. Сегодня он был не в выходной одежде. Брюки цвета хаки, клетчатая рубашка с коротким рукавом, невысокие сапоги. Растрепанные ветром волосы. Камилле вдруг бросились в глаза глубокие складки на его лбу и морщинки в уголках рта. Она тут же вспомнила, как эти губы ласкали ее тело. И никакая рабочая одежда не могла скрыть его мускулистое тело, подтянутый живот и длинные ноги.

— Эй, ты слышала, что я сказал? Я предложил сделать твоей сестре трансплантацию мозга, — повторил Боб, чтобы удостовериться, что до Камиллы дошел смысл его нахального замечания.

Да, она слышала его колкость, но сейчас могла думать только о его обнаженном теле. О его изысканных ласках и утонченной эротике... Изысканность и утонченность?! Ее словно окатило ледяной водой.

— Я люблю Роберта, его одного!

Боб и бровью не повел от такой резкой перемены темы:

— Ну и люби, кто тебе запрещает.

— Ты — нет. Но... я боюсь причинить тебе боль, Боб!

— Черт возьми, ты что, думаешь, я юнец желторотый? Я взрослый мужчина, и мне решать, что и где у меня болит. Я нормально обхожусь со своей жизнью.

— А я — нет. Легко сказать, да трудно сделать! Мне надо просто выжить. Я никого не могу любить, Боб, — попробовала объясниться Камилла. — И не потому, что не хочу. Просто я не выдержу, если еще раз кого-то потеряю.

— А тебя кто-то просил о любви?

Камилла опешила. Ей казалось, что он ждет от нее именно любви. Такой, какой он заслуживает, может быть, больше всех на свете, а она не в состоянии ему дать. Но в его голосе прозвучало столько обиды и раздражения, что сейчас она уже ни в чем не была уверена.

— Я просто хотела сказать: то, что между нами произошло...

— Произошел чертовски приятный секс, вот что произошло! — Боба наконец-то прорвало. — Лучший секс в моей жизни, насколько я себя помню. Нам было хорошо друг с другом. А если ты хочешь мне теперь сказать, что это не так, и ты раскаиваешься...

— Я не раскаиваюсь, — пролепетала растерянная Камилла.

— Если ты хочешь от меня чего-то большего...

И тут до Камиллы дошел смысл того, что он говорит.

— Я вообще ничего не хочу от тебя, ты, придурок! А секс — не самое худшее в жизни! И нечего переводить каждое похождение в серьезные отношения!

— Так в чем же проблема?

— Нет никакой проблемы! Только не забудь этого!

Камилла бросилась прочь как ошпаренная. Она сознавала, что, если уж люди Макдагла

работали на плантации Кэмпбеллов, ей придется доводить это дело с лавандой до конца. Но сначала надо сунуть голову в бочку с холодной водой.

«Попробуй проявить доброе отношение к дурному мужику, и увидишь, что из этого выйдет!» — упрекнула она себя.

Ах, он не хочет ее заботы? Прекрасно! И ей от него ничего не надо!

Камилла не пропустила в этот день обед только потому, что иначе Виолетта замучила бы ее своими нудными наставлениями. Она даже наложила на щеки немного румян и провела пару раз помадой по губам, чтобы не слишком бросалась в глаза ее бледность.

С тяжелым сердцем направилась она к дому. Ей казалось, что все худшее уже позади и ей удалось справиться со своими страхами. Но сегодня, после спора с Бобом, демоны снова обступили ее.

Что-то было в корне неправильно в ее нынешней жизни. Она жила как на кочевом стойбище. Мысль о том, чтобы поступить на работу, приводила Камиллу в ужас — пришлось бы жить в городе и общаться с людьми. Да и интерес к любимой когда-то профессии снизился до нуля. Она вступила в какие-то запутанные отношения с мужчиной, который вместе со своими мальчиками жестоко пострадал от непорядочной жены. Она ввязалась в авантюру с лавандой и не знала, как из нее достойно выпутаться.

В общем, итог был неутешительным.

— О! — У Виолетты глаза полезли на лоб. — Что случилось?

— Ничего. У меня все в порядке. Давай поговорим о тебе.

Но если Виолетта что-то брала себе в голову, от нее не так-то просто было избавиться. Не важно, что говорила Камилла, главное — что она сама думала.

— Летти, не носись со мной как квочка с цыплятами. Я и так уже чувствую себя обузой.

— Никакая ты не обуза. А что тебе сейчас нужно, так это запастись энергией. И я как раз такое приготовила...

Виолетта выставила на стол чечевично-рисовые оладьи, рыбу под соусом и шпинат, свеколки, фаршированные маслом с лавандой и зеленью, сладкий картофель и лавандово-лимонный пирог.

Киллер потянул носом и разочарованно растянулся на полу у ног Камиллы.

— Сладкий картофель — это самое важное, в нем растительные эстрогены. А в шпинате и чечевице — железо. Так что давай налегай!

Когда обед закончился, Камилла умирала с голоду. Больше всего на свете ей хотелось бы сейчас поехать в город и съесть кучу пончиков и чипсов.

Как только гора посуды была перемыта, Камилла в сопровождении Киллера отправилась к себе в коттедж. По дороге она все перебирала безумные идеи Виолетты, от массажа до тренировок по релаксации. Нет, ее сестра точно сбрендила!

Вернувшись в коттедж, Камилла обвела взглядом комнату, служившую ей убежищем не один месяц, и отказалась от своего намерения поехать в город поужинать. Всю комнату захламляли неразобранные коробки и нераспакованные чемоданы. Они кололи ей глаза. Сколько еще можно жить как на вокзале?!

Камилла раскрыла первую коробку. Там оказались диски Роберта. Она вспомнила ту композицию, которую он ставил, когда они первый раз спали вместе. Вот диск, который он проигрывал, когда они собирались в гости или на выход. Вот под эту песню она готовила воскресные обеды... Камилла словно обожглась. А ведь когда-то терпеть не могла музыку, которую любил муж...

Камилла отодвинула коробку и вскрыла следующую. Здесь была кухонная утварь. Но не та, нормальная, что в ходу в каждом доме, а роскошная, подаренная на свадьбу. Серебряные

подносы и лопаточки для тортов, формочки для выпечки и вафельницы... Все новое, никогда не использованное.

И эта коробка была отодвинута в сторону. Третья не должна бы вроде бросить ее в водоворот воспоминаний. Здесь была сложена ее одежда. Но поверху лежал зеленый пуловер, который Роберт подарил ей на последний день рождения. Она так радовалась подарку, хотя Роберт и не подозревал, что жена ненавидела ядовито-зеленый цвет...

Камилла отшвырнула коробку с таким грохотом, что Киллер на веранде вздрогнул и коротко рывкнул. «Завтра же все это выкинем», — успокоила она пса. Но тот, казалось, не слишком-то ей поверил, и она добавила: «Вот увидишь, рука у меня не дрогнет!» Киллер заворчал. «Не веришь? Думаешь, передумаю? Просто сейчас уже почти восемь и поздно браться за это дело». Киллер протяжно зевнул. Камилла громко выругалась и принялась за работу.

Она отвезла на свалку две машины картонок и шмоток. И когда вернулась из последнего рейса, было уже за полночь. Больше она сегодня сделать не могла. Камилла быстро приняла душ и скользнула в постель. После такой титанической работы ей казалось, что она будет спать как убитая.

Но не тут-то было.

Сначала, как в калейдоскопе, перед глазами замелькали картинки ее свадьбы. Почему-то ее покойная мать, Марго, расчесывала ей волосы и причитала: «Ты самая красивая невеста на свете, но если ты не уверена, я не буду заплетать тебе косы». Потом появился ее отец, Колин, с его пронзительными, голубыми, как у Виолетты, глазами. Он заключил Милл в объятия и сказал: «Никогда не думал, что ты найдешь счастье с городским парнем, дочка. Я приму его, раз уж он тебе так нужен. Но если он сделает тебе что-то плохое, я пристрелю его».

Вся в слезах, в тоске по родителям, Камилла металась по скомканным простыням. Но тут вдруг появилась Дэзи, ее старшая сестра, невозможно сексуальная и привлекательная. Она погрозила Камилле пальцем и строго предупредила: «Не плачь, Милли, и не ездь в Бостон! Он хороший парень, но ты недолго сможешь удержать его возле себя. Не ездь в Бостон!»

Камилла бросилась искать Роберта, но тут разразилась страшная гроза, и ее белое подвенечное платье превратилось в черные вериги, которые сжимали ей грудь и не давали дышать. Она скорее почувствовала, чем увидела, что из темноты надвигаются на нее страшные тени, услышала предсмертный крик Роберта и провалилась в густой вязкий туман. Откуда-то из-за темных туч послышался грозный окрик судьи: «Не усугубляй трагедию!», и снова кто-то страшно захохотал в темноте.

Камилла заплакала. И тут послышался такой нежный, такой родной голос Роберта: «Эй, потише! Все хорошо. Я с тобой». «Нет, это не Роберт, это Боб», — подумала Камилла и сразу успокоилась. Боб всегда появлялся там, где в нем была нужда. Он широко раскинул руки и заключил ее в объятия. «Как хорошо, что ты их прогнал», — прошептала Камилла, а Боб склонился над ней и поцеловал. «Какой реальный поцелуй», — улыбнулась Камилла.

Так, свежим ночным ветром, мог пахнуть только Боб. «Наверное, распахнулось окно», — сквозь сон подумала Камилла. Киллер свернулся клубочком где-то у ее ног. «Вот нахал». Она лениво спихнула его с постели. Но Киллер вдруг превратился в Боба, который улегся возле нее в колючей фланелевой рубашке. «Какой необычный сон», — проворчала Камилла. Зато во сне можно говорить вещи, которые никогда не скажешь в реальности:

— Мне страшно, Боб!

— Я знаю.

— И я никогда не перестану чувствовать себя виноватой. Он умер, а я жива. Он защитил меня, а я не смогла ему помочь.

— Не будем больше о нем! — Боб снова поцеловал ее.

Камилла, как и все нормальные женщины, часто видела эротические сны. Но такого — еще никогда. От жарких поцелуев загорелось все тело. Каким-то чудесным образом с Боба исчезла фланелевая рубашка. Простыня превратилась в его обнаженное тело. Камилла вспомнила его неподражаемые поцелуи, то сладкие и нежные, то чувственные и будоражающие, то такие интимные и возбуждающие, что у нее замирало сердце.

— Боб, Боб! — Камилла не была уверена, шептала она его имя вслух, или это говорило ее сердце.

А потом она услышала собственный тихий смех и вместе с ним — нежный шепот Боба. Он улыбался ей в темноте, легонько тянул к себе, целуя лоб, волосы, кончики пальцев...

«Я и подумать не могла!...» — безмолвно прошептала Камилла. Ей показалось, что все только начинается. Она улыбнулась и... заснула.

Когда она проснулась, солнце пробивалось сквозь закрытые жалюзи. Она почувствовала тепло чужого тела рядом с собой и осторожно открыла глаза. Киллер лежал у нее на постели и не сводил с хозяйки полного надежды взгляда. Камилла облегченно вздохнула:

— Все поняла. Ты хочешь гулять. — Она лениво потянулась. — А с каких это пор ты спишь со мной?

Пес коротко рывкнул.

— Разве твое место не на дворе, ты, шелудивая скотина?

Киллер лизнул ей руку.

— Не подлизывайся! Ты не мой! У меня вообще никого нет. Что, забыл? И не смей ко мне привязываться!

«Шелудивая скотина» нежно лизнула ее в лицо. Камилла выругалась и спустила с постели ноги. Киллер преданно смотрел ей в глаза, и тут на память пришел удивительный сон. Такой сладкий, такой приятный...

Вдруг взгляд Камиллы остановился. На полу лежал носок. Вообще-то в этом не было ничего необычного. Но это был не ее носок! И, судя по размерам, он мог принадлежать только одной персоне. Как ошпаренная, Камилла вскочила с кровати.

На одном дыхании она прошла целый ряд лаванды. Доказательством ее неумного трудового порыва стали огромные пузыри на ладонях. Когда Камилла стягивала хлопчатобумажные перчатки, два нарыва лопнули и теперь причиняли ужасную боль.

Зато плантацию было не узнать. Никакого сравнения с тем запустением, что царило здесь еще месяц назад. Благодаря перегною кустики распрямились, а ряды стояли ровно, как новобранцы на плацу. Камилла вздохнула и, натянув перчатки, снова принялась за работу.

— Привет, Камилла, — выдохнули близнецы как один. Она и не заметила, как они подошли.

— Сегодня мне не нужна ваша помощь.

— Ты каждый день это говоришь, — попенял ей Син.

— И не спорь с нами. У нас сегодня был тяжелый день, — закончил мысль брата

Саймон.

Камилла не стала расспрашивать. Не ее дело, почему близнецы сегодня не в настроении. Ее дело понять, почему их отец позволяет себе залезать в ее спальню и любить ее до потери пульса.

Киллер, предатель, позволил каждому из близнецов погладить и потискать себя. Но мальчишки не стали долго возиться с ним. Они набросились на лаванду с таким остервенением, словно и у них были сходные с ней проблемы.

Камилла дошла до последнего ряда. Все, сегодня без пластыря она не сможет больше отрезать ни веточки. Син играючи догнал ее по своему ряду.

— Папа обещал мне лошадь.

— Да? — Камилла не хотела ввязываться в разговор, но она знала, каким заветным желанием было для Сина иметь лошадь. Однако сейчас вид у мальчика был отнюдь не восторженный, и она добавила: — Скоро?

— Пока не знаю, надо сначала закончить учебный год. А она сегодня ночью звонила.

Последнее предложение звучало как продолжение предыдущего, но логики здесь не было никакой. Наверное, не стоило спрашивать, но что-то подстегнуло Камиллу:

— Кто?

— Мамаша. — Син вложил в это слово все отвращение, всю злобу, на какую только был способен. — Не знаю, почему папа не подошел к телефону. Наверное, заработался в кабинете. А дед вообще уже не слышит звонка, когда наверху.

— Да?

Син распрямился и посмотрел в ту сторону поля, где работал Саймон.

— Его она тоже позвала к телефону. Как будто нам это надо! Понимаешь, после столького времени! — Он ожесточенно отрезал ветки и складывал их в корзину. — Она просто бросила нас. Потому что ей на нас плевать. А теперь звонит и хочет, чтобы все снова было в шоколаде! Понимаешь, так вот просто!

Камилла не знала, что и сказать. Ее сердце сжалось от жалости и непонятной тревоги.

— Сказала, что она задыхалась здесь. Что ей нужно жизненное пространство. И если бы еще хоть на день осталась на ферме, сдохла бы, представляешь? А она не хотела, чтобы мы видели, как она подышает. Не хотела нас травмировать. Ты слышала когда-нибудь такое дерьмо?

Саймон, который работал на другом конце поля, неожиданно вырос перед ними:

— Ты, дурак, не говори при Камилле «дерьмо»!

— Почему-то? Ей это нипочем.

— Все равно!

— Да ты чё, она же не жеманная девчонка! Она своя. — Син резал, не поднимая головы. — И знаешь, что я сказал матери?

— Что?

— Что ничего не в шоколаде, когда мать вот так просто сваливает! — На мгновение Син поднял глаза, в которых застыли тоска и ненависть.

— Ага, мы сказали ей то же, что она нам тогда. — Теперь и Саймон не поднимал головы от кустов. — Что нам тоже нужно жизненное пространство. И мы тоже задыхались без матери. А теперь она может и дальше жить со своим дружкой — нам она не нужна! И папе не нужна!

— Мы хотели сразу рассказать отцу, но он то ли работал, то ли спал, и мы не стали ему

мешать.

— Ага, — поддержал брата Саймон. — Рассказали ему сегодня утром. И он так разозлился!

— На вас?

Оба одновременно пожали плечами.

— Сначала сказал, что мы могли бы говорить с ней повежливее, она все-таки наша мать. И не важно, что она сделала, главное, что сейчас хочет показать, будто очень сожалеет. Видала такой идиотизм?

— Ага, мы ему так и сказали, а он совсем разбушевался и начал на нас орать. Разве это справедливо?

Камилла сглотнула.

— Почему вы меня спрашиваете? Это ваше с отцом дело. Мое мнение не в счет.

— Еще как в счет! — заверил ее Син. — Разве папа не должен быть на нашей стороне? И почему это мы должны быть с ней вежливыми?

— И что это за дурацкое выражение — «жизненное пространство»? вклинился Саймон.

— Это не просто выражение. — Камилла обрадовалась, что можно слегка отойти от темы.

— Все равно, — не отступал Син, — никто человека не бросает, когда ему плохо. Наоборот! Разве нет? Папа всегда говорил, что в беде надо держаться друг друга. А мать свалила, потому что сама так хотела. Все. Баста.

— Значит, она нас никогда не любила. Почему же мы должны быть с ней вежливыми?

Оба поднялись и вопрошающе уставились на Камиллу. Она набрала в легкие воздуха:

— Слушайте, ребята! Я последний человек на свете, к кому вы должны обращаться. У меня нет рецептов на все случаи жизни.

— Поэтому мы тебя и спрашиваем. Ты единственная, кто не лезет к нам с поучениями. Мы просто хотим знать твое мнение.

В голосе Сина звучало столько тоски и боли, что она не смогла уйти от ответа:

— Ну, я думаю, пришло время, когда ваша мать что-то поняла и попыталась наладить отношения. Поэтому и позвонила. Лично я не вижу ничего плохого в том, что вы говорили с ней честно и откровенно. И не слишком ласково. Вам есть за что сердиться на нее. А как она будет обходиться с тем, что слышала, это ее проблема.

— Видишь. — Саймон пихнул Сина в бок. — Я же говорил, что Камилла нас поймет!

— Минутку! Вы что, думаете, отец вас не понимает? Он просто хочет, чтобы вы были благоразумнее и не вели себя, как ваша мать. Не убегали от трудностей.

— Ха, а мы и не убегали. Мы же поговорили с ней!

— И даже не боялись!

— Вот и хорошо. Думаю, отец объяснил вам, что никто не выигрывает в этой ситуации. Ваша мать сделала большую ошибку. Может быть, непоправимую ошибку. Возможно, вы не можете ее простить. Пока не можете. Но если вы не будете говорить с ней, то как ей наладить с вами отношения?

— А зачем их налаживать? — искренне удивился Саймон. — Она нам не нужна!

— Да нам вообще не нужна ни одна женщина. Кроме тебя, Камилла.

— Ага, Камилла, — повеселевший Саймон дружески хлопнул ее по спине. — Ты наша. Тебе можно доверять!

Камилла оцепенела. Она знала, что сыновья Боба относятся к ней по-дружески. Должны

же они кому-то доверять, на кого-то полагаться! Особенно на женщину, после того как собственная мать бросила их.

Но если она и со своей-то жизнью не в силах разобраться, как она может служить примером для других? А если не может стать примером для мальчишек, какое у нее право вторгаться в семью Боба?

На следующее утро Камилла с корзиной грязного белья вошла в дом. И, задумавшись, прямо на пороге столкнулась с Виолеттой.

— Ты что? — удивилась та.

— А что? Я не в первый раз стираю. И для тебя тоже.

— Я не об этом. Чего это ты оттащила вчера целую кучу на свалку? И все чистишь и моешь? Может, ты снова превращаешься в человека?

— Совсем не обязательно.

— Тогда, может, дело в мужчине, который поселился в коттедже?

— Боб вовсе не поселился в коттедже.

— Я что-то сказала о Бобе? Боже мой, идем сражаться! — Виолетта вылетела во двор.

Камилла недоуменно обернулась. У дома остановился небольшой грузовичок, из которого вынимали инструмент двое парней, одетых в робы. Из их разговора с Виолеттой Камилла поняла, что речь шла о новых цветочных грядках и газонах, которые надо было разбить за домом и вокруг «Зеленого Рая».

Она была готова убить сестру за ее шпильки насчет Боба, но Виолетта была занята, а успеть со стиркой надо было до ленча, потому что потом Камилла собиралась поработать на лавандовом поле. Она поставила себе цель закончить прополку и обрезку на этой неделе, и не собиралась отступать. Кроме того, еще не все вещи были разобраны и не все, что напоминало о прошлой жизни, выброшено. А потом...

Конечно, она понимала, что ее кипучая деятельность всего лишь способ уйти от принятия решений. Она до сих пор не знала, что делать со своей жизнью, но решать все-таки придется.

Камилла поднялась с корзиной выстиранного белья на веранду коттеджа, отодвинула локтем сетку от насекомых и... испугалась, заслышав жалобное мяуканье. Киллер принялся лаять как одержимый.

— Тише ты, дурной пес!

Обычно Киллер слушался ее команд. Но сегодня — нет. Камилла вынесла ему на веранду кусочек мяса и закрыла дверь. Потом осторожно подняла платок, прикрывавший корзинку, и обнаружила дрожащую от страха кошку.

Собственно, кошкой это создание назвать было нельзя. Пара огромных глаз на драном, будто грузовиком перееханном клубке шерсти, из которого торчали разодранное ухо и скрюченная лапа. А облезлая морда! Такую не могла бы любить и собственная мать.

— О нет! Только не это!

Кошка пошевелилась и снова издала пронзительный вопль.

— Я покормлю тебя, но большего от меня не жди! У меня уже есть пес. И это мое последнее слово!

Взбешенная, Камилла бросилась к буфету. Там одиноко скучали засохший ломоть сыра и кусок позавчерашнего лимонного пирога. Она взяла сыр и вернулась к корзинке. Сняла платок и подумала, что кошка набросится на протянутую еду или, по крайней мере, выпрыгнет, чтобы спрятаться. Вместо этого убогое существо, помогая себе тремя лапами, вскарабкалось ей на колени и громко замурлыкало.

Камилла застыла.

— Слушай, ты, я терпеть не могу кошек! Еще когда была милой и приятной женщиной, терпеть их... вас то есть, не могла.

Кошка, не переставая мурлыкать, клубочком свернулась у нее на коленях, и Камилле не оставалось ничего другого, как погладить ее.

— Слушай, сколько ты собираешься тут лежать? — Никакой реакции. — Ладно, я принесу тебе чего-нибудь кошачьего, а потом все! — Кошка и ухом не повела, издавая довольные, утробные звуки. — Так и быть, подремли здесь пару минут, пока я не вернусь.

Камилла осторожно перенесла кошку на стул, схватила ключи от старенького «форда» и выскочила наружу. Киллер незамедлительно прыгнул на сиденье рядом с ней и бросил на хозяйку сочувственный взгляд.

— Да, я с тобой согласна. Именно это я и собираюсь сделать. Я знаю, кто подложил мне эту свинью! Придурок! Безмозглый, бессовестный упрямый придурок...

Камилла, не переставая ругаться, въехала на участок Макдаглов. Остановив машину у дома, она решительно двинулась к двери в сопровождении Киллера. Она постучала и, не дожидаясь ответа, шагнула за порог. Она и в детстве так делала, да и братья Макдагл тоже, наверное, не знали, где у Кэмпбеллов звонок.

— Эй! Есть кто-нибудь?

С тех пор, когда мать Боба была еще жива, здесь ничего не изменилось. Просторный деревенский дом, удобный и хорошо приспособленный для проживания. Камилла любила в нем бывать и подчас чувствовала себя здесь больше дома, чем под отчим кровом.

Она крикнула еще раз. Тихо. Собравшись было поискать Боба снаружи, она вдруг слышала стук палки о половицы. Старый Макдагл спускался по лестнице.

— Боже мой, Камилла! Целую вечность тебя не видел! Но в этом доме тебя всегда ждет чашка кофе.

— Я пришла, чтобы...

Она не успела закончить свою речь, так как с лестницы скатились близнецы.

— Привет, Камилла! Раньше ты к нам не приходила!

— Это не визит вежливости!

Больше ей не дали сказать ни слова. Сначала Саймон хлопнул ее по спине, потом Син. Джон снял с нее старую вязаную кофту и подтолкнул к столу. Перед Камиллой появилась коробка конфет, потом другие сладости и, наконец, дымящаяся чашка кофе. Улыбка старика напомнила ей Боба.

— Помнишь, детка, мы никогда не придавали особого значения всем этим этикетам, — кряхтел он, подсовывая ей кухонное полотенце. — Всякие там салфетки и прочее...

— Да. Нет. Конечно, нет.

— Видишь, деда, мы же говорили тебе, что она человек, а не какая-то женщина!

Камилла потеряла виски. Если она еще раз услышит что-то подобное, она взвояет.

— Мистер Макдагл, я действительно рада вас видеть, но я, собственно, пришла из-за кошки.

— Из-за кошки? Какой кошки?

Син, само воплощение невинности, быстро спросил:

— А где же папа?

— Дед, посмотри, что она сделала с Дарби! Он опять прежний, — дернул Джона за рукав простодушный Саймон.

— Из-за кошки, — непреклонно сказала Камилла.

Близнецы переглянулись.

— Сейчас позовем папу. Деда, поразвлекай пока Камиллу, ладно? — В мгновение ока они исчезли.

— Ладно, — усмехнулся Джон. — А я все ждал, когда ты придешь. Помнишь, как ты была от горшка три вершка и Боб таскал тебя на закорках?

— Да? — Она услышала, как хлопнула входная дверь, потом громовые раскаты голоса Боба и жаркий шепот близнецов. — Мальчишки подсунули мне кошку, да?

— Син! Саймон! — крикнул Джон. — Они в таком восторге от тебя! — сказал он, словно это было само собой разумеющимся продолжением темы.

— Мистер Макдагл! — сурово начала Камилла.

— Нет-нет, Джон, просто Джон. Ты же практически член семьи.

Камилла впала в панику. Что значит «член семьи»? Что рассказали ему мальчишки? А Боб?

Появился хозяин дома в сопровождении близнецов. Пульс Камиллы участился, в глазах потемнело, колени стали ватными. Ну уж дудки! Она не из слабых!

— Макдагл, — сурово сказала она. — Это ты подложил мне свинью, то есть кошку?

— Какую свинью? Какую кошку?

— Сам знаешь какую!

— Подожди, Камилла, — вклинился Син. — Это... я.

— И я, — радостно добавил Саймон.

— Да мы все тут, ну, кроме папы, сделали это. Потому что ты — единственная во всем мире, которая любит животных так же, как мы...

— А если бы мы оставили кошку у себя, папа бы нас убил, — еще радостнее сообщил Саймон.

— Особенно теперь, когда папа обещал мне лошадь!

У Боба округлились глаза:

— Эй, постойте! Какую лошадь? Никакой лошади я не обещал!

— Обещал, обещал, — запрыгали близнецы, и дед немедленно принял их сторону:

— Боб, сынок, я своими ушами слышал.

Боб оторопел. Потом кивнул и взял Камиллу за плечи:

— Пошли поговорим о твоей кошке.

— Ура! Класс!

— Классно, пап! Правда!

Оба принялись выплясывать. Киллер с озорным лаем прыгал вокруг них. Боб вытолкнул Камиллу из этого содома и сказал:

— Поедем куда-нибудь, поговорим.

— А я предлагаю сразу отправиться к моему коттеджу и забрать кошку.

— В этом есть смысл, — ухмыльнулся Боб.

Он забрал у Камиллы ключи от машины. Очевидно, он был из тех, кто считал, что женщине не место за рулем. Боб уселся на водительское место, и Камилле пришлось устроиться рядом.

Она была в полной уверенности, что Боб сейчас же отвезет ее в коттедж. Однако у него были другие планы. Он и сам еще не знал, какие. Удрать от домашних было не сложно, но что делать с Камиллой?

Боб вставил ключ зажигания. «Форд» вздрогнул и заглох. Боб хотел уже было сказать,

что машину пора отдать в техосмотр, но вовремя сообразил, что это не его дело.

— Боб, к коттеджу надо было повернуть налево.

— Знаю, но я хочу найти тихое место, где мы можем спокойно поговорить.

— Ну, знаешь...

Он понял, что Камилла хотела возразить, но, видно, и ей надо было выговориться. Сев в машину, она вызывающе скрестила на груди руки и принялась метать на него уничижительные взгляды.

Боб знал, что долго так продолжаться не может. Прокрадываться к Камилле ночью и тайком любить ее было заманчиво. Влезать в окно ее спальни — что могло действовать более возбуждающе? Но романтические свидания были не вполне в его духе. Было в них что-то неправильное и постыдное. И Боб понимал, что рано или поздно придется решиться на откровенный разговор. Только не думал, что так скоро.

Боб проехал по дороге вдоль лавандового поля, потом мимо своих яблоневых плантаций и свернул к перелеску. Тот взбегал на пригорок и спускался к озеру, питавшемуся от подземных ключей. Здесь братья Макдагл еще детьми купались летом и катались на санках зимой. Сестры Кэмпбелл составляли им компанию, причем шли на всевозможные ухищрения, чтобы заставить мальчишек тащить их санки в гору. И не без успеха!

На лице Камиллы появилась улыбка.

— Да, — сказал Боб, останавливаясь и заглушая мотор. — Я тоже помню, как мы катались здесь с горки.

— Счастливое было время... До сих пор помню, как ветер свистел в ушах, когда мы неслись вниз на санках или на лыжах. У меня дух захватывало, и я закрывала глаза. — Кажется, она забыла о своем гневе. — А что стало с твоими братьями? Ты никогда не говорил...

То, что она спросила о братьях, удивило и порадовало Боба. Казалось, еще вчера Камилла старалась отгородиться от всего мира, а сейчас жадно наверстывала упущенное. И он принялся рассказывать:

— У них все отлично. Вебстер преподает в Стэнфорде. У него жена и двое детей. А Пит — полная противоположность. Он обосновался в Северной Дакоте. У его жены там большое ранчо. Он поставил дело на широкую ногу и, кажется, вполне доволен жизнью. Кроме четверых своих детей, у него еще трое приемных.

Камилла привычно направилась по тропе, ведущей к озеру, беззаботно шагая рядом с Бобом. Да и можно ли было сердиться в этот весенний солнечный день? Теплый ветерок приносил из леса терпкие запахи просыпающейся земли, внизу расстилалась спокойная гладь озера, в заводях у противоположного берега еще прятались клочья утреннего тумана. На поляну у тропы выскочила косуля с олененком и тут же умчалась прочь.

Боб улыбнулся Камилле, она ему. Им было хорошо вместе. Они оба принадлежали этим местам.

— Ребенком мне казалось, что трое Макдаглов навсегда привязаны к этим холмам и равнинам. Как и три сестры Кэмпбелл. Мне и в страшном сне не могло присниться, что можно жить где-то в другом месте. И вот Виолетта да ты — единственные, кто вернулся, — заметила молодая женщина.

— Я единственный, кто мог и должен был это сделать. Отцу требовалась помощь. Хотя... рано или поздно я все равно возвратился бы. Я не так привязан к ферме, как отец, но я люблю землю.

— А твои братья?

— Мы никогда не обсуждали эту тему. В старом доме хватило бы места на всех. Но, знаешь, мужчины обычно пускают корни там, где женятся.

Боб осекся, произнес последнее слово, на Камиллу разом нахлынули воспоминания последних месяцев. С мирным сосуществованием было покончено.

— Черт подери, Боб, я не возьму эту проклятую кошку!

— Нет?

— Нет! Мне не нужна кошка! И пес не нужен! И я не хочу, чтобы твои сыновья думали, что мы...

— Знаю, они хотят нас свести. — Боб надеялся, что его откровенность успокоит Камиллу, но она еще больше рассердилась, и он вернулся к основной теме: — Син притащил кошку домой. Они знали, что я не позволю ее оставить, и стали совещаться, как бы отдать кошку тебе.

— Ты должен был запретить!

— Я и запретил. Но они пошептались с дедом и, по всей видимости, решили, что кошка нас сблизит.

— Что?

— Видишь ли, все трое давно решили, что мы с тобой должны жить вместе. Что так будет лучше для всех.

— Но Боб, это же сумасшествие! Я не давала им повода.

— Я и сам ушам не поверил. После всего, что они говорили о женщинах. Но, черт возьми, Милл, ты же не дура, чтобы не понять, почему я с тобой спал!

Камилла вытаращилась на него во все глаза:

— Конечно, понимаю. Секс.

— Камилла, — в его голосе послышались угрожающие нотки, — не выводи меня из себя!

— Черт подери, Макдагл! — взвилась Камилла. — Я вывожу тебя из себя? Это ты приводишь меня в ярость! Сначала сажаешь мне на шею шелудивую псину, потом награждаешь искалеченной кошкой. Какие еще проблемы ты собираешься обрушить на мою голову?!

Боб поиграл желваками. Он дал слово держать себя в руках, но теперь потерял терпение. Он подступил к Камилле такой же злой, как и она:

— Сколько ты еще будешь плакать над собой?

— Что?

— То, что слышала! Хватит ждать, что тебя всю жизнь будут холить и облизывать!

— Кто это меня холит? Ты, что ли? — Она ткнула пальцем ему в грудь, но, что-то вспомнив, поспешно отвела руку.

— Я? Ни за что! Хватит тебе и других! И если бы это шло тебе на пользу! Так ведь нет. Ты просто стала лгуньей.

— Я? Лгуньей? — Камилла снова выставила палец. — Да я самый честный человек на свете! Я в жизни не врала и не вру, Макдагл!

— Чепуха! Когда ты вернулась, тебе было плохо, из рук вон плохо. Ты была одичавшей, как твоя лаванда. Я могу это понять, Милл, я хорошо знаю, что такое боль. Но с тех пор все изменилось...

— Ты еще будешь говорить мне, что я чувствую?

— Нет, что ты делаешь. Ты врешь. Ты делаешь вид, будто тебе на все плевать. А на самом деле ты без ума от собаки.

— Нет!

— И от лохматой кошки будешь без ума. Еще сопливой девчонкой ты умела обращаться с животными. Может, ты и забыла, но я — нет. Тебе нужен кто-то, о ком можно заботиться.

— Ошибаешься, Макдагл! Я никогда не привяжусь к этой кошке! И собаку отдам, как только подыщу ей хозяев.

— И коровы будут летать. И свиньи. А кроме того, ты сходишь с ума по моим сыновьям. Ты любишь их. Почему бы тебе не признаться в этом? Или ты думаешь, что потеряешь лицо, если признаешь, что тебе не все безразлично?

— Мне все безразлично!

— Ага, и ты ничего не чувствуешь.

— Совершенно верно.

Больше всего на свете ему хотелось сейчас крепко стиснуть ее в объятиях и поцеловать. Боб понял, что если не сделает чего-то из ряда вон выходящего, то не сможет сдержать своего желания.

И когда Камилла снова выставила палец, Боб притянул ее к себе, поднял и закружил. Камилла заорала как резаная. Она была легкая, как перышко, но все-таки ему пришлось как следует размахнуться, чтобы сбросить ее в озеро.

Боб хорошо знал этот водоем. Здесь они с братьями ныряли с крутого берега в жаркие летние дни, и вода в озере всегда была холодная. Достаточно холодная, чтобы соски Камиллы обозначились под рубашкой, словно выступившие из теста изюмины. От этой мысли Боб еще сильнее возбудился и со всего размаху бросил Камиллу в воду.

Он пораился ее богатому словарному запасу. Ему была известна только одна личность, которая могла бы переплюнуть ее в ругательствах, — и это был он сам. Вот так женщина! Да еще равнодушная ко всему на свете!

Боб молниеносно скинул сапоги и плюхнулся в озеро. Ледяная вода отрезвила его. Шумно отфыркиваясь, он вынырнул возле Камиллы. Она плеснула ему в лицо воды и была полна решимости утопить его. Что ж, он это заслужил. Маленькая женская месть. Но когда Камилла схватила его за плечи, чтобы загнать под воду, он обхватил ее одной рукой и, гребя второй, поплыл к берегу. Нашупав под ногами дно, он встал и крепко прижал ее к себе.

Камилла приготовилась к новому залпу ругательств, но Боб закрыл ее рот таким поцелуем, что им стало жарко в ледяной воде.

— Ну, давай, покажи мне, как ты ко всему равнодушна, как ты ничего не чувствуешь!

Он заставил ее отступить к берегу, не прекращая требовательных, настойчивых поцелуев. Камилла отвечала на них. Их одежда приклеилась к телам и мешала двигаться. Боб на ходу стал сбрасывать ее с себя и с Камиллы.

Высокая, пропитанная солнечным теплом трава скрыла влюбленных, когда они упали на землю. Они катались по этому колючему, жесткому зеленому ковру, сплетясь в одно целое. Никогда еще Боб не был так опьянен солнцем, зеленью и мерцающим матовой белизной женским телом...

— Скажи мне, скажи, что ты ничего не чувствуешь, Милл, ни холода, ни жара, ни меня...

— Макдагл, — Камилла на мгновение оторвалась от него. — Замолчи и... люби меня.

И он любил ее. Как он ее любил!

Он хотел любить ее лучше и сильнее, чем ее покойный муж. На краю его сознания мелькала мысль, что между ними всегда будет стоять мужчина, который отдал за Камиллу свою жизнь. Но Бобу хотелось доказать ей, что под этими голубыми небесами и ослепительным солнцем есть другой человек, который любит ее не меньше, который любит ее больше. Который тоже отдаст свою жизнь, только бы любить ее.

Камилла проснулась с сильно бьющимся сердцем и мокрыми ладонями. Она встала и пошла на кухню. Все окна и двери были открыты — вторая неделя июня выдалась необычайно жаркой и душной.

«Черт бы побрал эту погоду! — подумала она, понимая, однако, что надвигающаяся гроза не имеет никакого отношения к ее нервозности. Все дело было в Бобе.

Она машинально достала из холодильника фарш и бросила его обжариваться на сковородку. На сердце лежала тяжесть, и Камилла никак не могла избавиться от нее.

С их бурного свидания на озере прошла неделя. За это время ни Боб, ни Камилла ни слова не обронили о тех минутах любви. Они виделись каждый день, но у мальчишек начались каникулы, и все трое Макдаглов помогали работать на плантации.

Камилла убеждала себя, что им с Бобом просто не предоставилось подходящего повода объясниться, но в глубине души понимала, что это только уловка. Может, Боб решил снова сойтись со своей бывшей женой, матерью его сыновей? А может, она, Камилла, боялась сделать решительный шаг?

Она раздраженно откинула челку со лба и крикнула:

— Все готово! Еще минутку — и можете есть.

Обернувшись, она с удивлением увидела, что в кухне никого нет. Конечно, было еще рановато, но Камилла была уверена, что уж ее-то новую компаньонку Мисс Принси аромат жареного мяса разбудит непременно. Она положила порцию поменьше в кошачью миску и побольше — в миску Киллера.

Конечно, она обзавелась и сухим кормом, и консервами для кошек, но Мисс Принси от всего воротила нос, даже от самых дорогих сортов. Не могла же Камилла кормить кошку говядиной, а Киллеру подсовывать собачий корм? Теперь она готовила для обоих. Если бы кто-то узнал об этом, ее сочли бы сумасшедшей. Но как она могла не баловать их после всего, что они пережили!

— Завтрак!

В доме ничто не шевельнулось.

Тщетно обыскав все их излюбленные места, Камилла обнаружила, что сладкая парочка бок о бок спит в ее постели. Снова!

— Вы что, не знаете, что здесь вам не место?! — Она плюхнулась рядом.

Мисс Принси, не открывая глаз, громко замурлыкала. Это значило, что ее надо погладить. Она все еще походила на клубок спутанной шерсти, точнее, на хорошо выстиранный, округлившийся и распушившийся моток королевского мохера.

Когда Камилла, погруженная в мысли о Бобе, на мгновение остановилась, Мисс Принси открыла янтарные глаза и ткнулась влажным носом в ее руку. А Киллер, наконец-то заметивший, что здесь раздают ласки, и вовсе не ему, заворчал и перекатился на спину, подставляя живот.

Занятая поглаживаниями и почесываниями, Камилла внезапно увидела себя в тусклом зеркале, по-деревенски наклонно висящем над комодом. Собака и кошка были такими ухоженными, что хоть завтра на выставку. А вот ее собственный вид был ужасен. Волосы, которые она сама обрезала три месяца назад, отросли неровными прядями. Футболка, заношенная до дыр, висела бесформенной тряпкой. Ногти, хотя уже не обломанные, давно

требовали маникюра.

Она выглядела как женщина, которой нет дела до своей внешности. Но это давно не соответствовало действительности. Камилла вспомнила слова, сказанные Бобом в тот ясный день: «Давай, покажи мне, как ты ко всему равнодушна, как ничего не чувствуешь!»

Еще несколько месяцев назад она могла бы поклясться, что это так. Если бы кто-нибудь сказал, что она сможет думать о ком-то, кроме Роберта, Камилла послала бы его к черту. Но она переспала с Бобом. И что-то почувствовала. Что-то, чего не испытывала даже с мужем. И хотя Роберт был по-прежнему жив для нее, она неотступно думала о Бобе. И то, что она испытывала к нему, не было простым сексуальным влечением. Это была любовь!

Камилла резко вскочила с постели. Переполошенные Мисс Принси и Киллер спрыгнули вслед за ней.

— Завтрак на кухне. Ты, Киллер, знаешь, как выйти из дому. А ты, Мисс, надеюсь, помнишь, где твой лоток. И прекратите смотреть на меня с таким укором! Не весь мир вертится вокруг вас! Я отчаливаю на пару часов. Все!

Камилла быстро переоделась, схватила сумочку и бросилась к «форду».

В город она приехала слишком рано. Все магазины были еще закрыты. Она огляделась и направилась в парикмахерскую, не зная, обслужат ли ее там без предварительной записи. Но парикмахерша и маникюрша приняли ее с распростертыми объятьями. Перед ними была клиентка, которой требовалась основательная отделка.

Два часа спустя Камилла пустилась в поход по магазинам. Она плюнула на то, что превысила свой текущий счет и влезла в сбережения на черный день. Пусть у нее все еще нет работы, но ведь есть способы иначе инвестировать в свое будущее...

Прежде чем вернуться на ферму, ей предстояло уладить еще одно дело, которое она, сидя под феном, тщательно продумала. Она хотела сделать подарок. Необычный подарок. В былые времена она не преподнесла бы такого и злейшему врагу, но сейчас обстоятельства переменялись.

Подъезжая к дому Боба, Камилла от волнения облизывала губы. Снова и снова перебирала она в памяти все его слова и намеки, которые свидетельствовали о том, что их связывает только секс. Какой, к черту, секс! Он и понятия не имел, что она к нему чувствовала.

И это неправда, что она заботилась только о себе! С первой минуты Камилла прониклась нежностью к его сыновьям, их боль и утрата резанули ее по сердцу. И самому Бобу она старалась, как могла, не причинить боли, хоть он и держался так уверенно и независимо...

Камилла подъехала к дому. Никто не вышел ей навстречу. Очевидно, в этот полуденный час все заняты своей работой. Открытые двери сарая свидетельствовали о том, что там кто-то есть. Наверное, Боб. Господи, сделай так, чтобы это был Боб! И чтобы не было слишком поздно!

Камилла вышла из машины и осторожно открыла заднюю дверцу. Дог, который занимал все заднее сиденье, приоткрыл глаз, но и не подумал сдвинуться с места. Это было молодое двухлетнее животное с тоскующим взглядом. Камилла склонилась над ним.

— Привет, Камилла! — Саймон выбежал из сарая, но остановился как вкопанный. — Эй! Что это с тобой?!

Саймон не отличался той чувствительностью и деликатностью, что Син. Но тут и он почувствовал себя виноватым и быстро добавил:

— Но ты не переживай, Камилла, это не навечно! Волосы снова отрастут, ты умоешься и будешь выглядеть нормально. — Он дружески хлопнул ее по спине. — Я тебя понимаю. Когда перед школой папа загоняет нас в парикмахерскую, нам тоже бывает паршиво. Выглядим как дураки. Ой, прости, я не имел в виду, что ты выглядишь как дурак... как дура... Ой! — Он совсем смутился, но не сдался. — По крайней мере, я-то тебя узнал!

— Все нормально, Саймон!

— Эй, послушай! Даже если бы ты вся покрылась коростой, я... мы все равно тебя любили бы. Быть женщиной — еще не самое страшное на свете!

Камилла помассировала виски. Возможно, реакция мальчика была показателем ее успеха. Саймон подошел и заглянул в открытую дверцу:

— Ух ты, а это что за явление?

Камилла собралась в духом:

— Где твой отец?

— Они с Сином поехали на конезавод. К ужину обещали вернуться. А дед у глазного.

— Ладно. — Раз уж она не могла немедленно поговорить с Бобом, Камилла доверительно обратилась к его сыну: — Это Гортензия, Саймон. У нее депрессия.

— Вау, похоже на то!

— Доги вообще на вид грустные. Но это — особый случай. Месяц назад она потеряла хозяина, с которым жила душа в душу, и теперь не может пережить потерю. Она не хочет не то что есть — даже двигаться.

— Что ты говоришь! А она классная! — Саймон почесал собаку за ухом. Гортензия открыла глаза, но не пошевелилась.

— Думаю, ей нужен твой отец.

— Что? — Саймон так и остался с открытым ртом. — А, понимаю. Реванш?

— Что ты! Я никогда бы не позволила себе манипулировать несчастным животным, — заверила Камилла. — Пару дней назад я была у ветеринара, чтобы сделать Мисс Принси прививки. И тогда узнала эту историю с Гортензией. Дело в том, что шансы выжить у этой собаки уменьшаются с каждым днем. И хотя врач вводил ей глюкозу, ее жизненный потенциал падает. Ей нужен кто-то, кто поможет ей преодолеть горе и выкарабкаться. Иначе ее дела плохи. Мне кажется, никто на свете не может этого сделать лучше, чем твой отец.

Саймон засунул руки в карманы.

— С ума сойти! — Он восхищенно посмотрел на Камиллу. — И ты думаешь уговорить его?

— С твоей помощью. Давай перенесем Гортензию в дом и дадим ей воды.

— Само собой!

— Может быть, все это слишком неожиданно, но я надеялась на вас с Сином. И если ты думаешь, что я свихнулась...

— Да ты что! Мы с Сином, конечно, на твоей стороне. Это самая крутая идея всех времен и народов! Конечно, мы ей поможем. Син прямо выпрыгнет из штанов, когда узнает! А папа...

— Что касается папы, — осторожно перебила его Камилла, — скажи ему, что он может вернуть мне собаку, если не захочет ее. Передай, что я ужинаю в семь. Ему совсем не обязательно приходить. Но скажи, что я положу дополнительный прибор, на случай если он захочет поговорить.

Возвращаясь к себе, Камилла решила, что все не так уж и плохо. Может, было даже и

лучше действовать через Саймона. А то, что мальчик посчитал ее новый имидж отвратительным, — хороший знак.

Мисс Принси и Киллер выразили неудовольствие ее долгим отсутствием. Первым делом она погладила обоих и отправилась в родительский дом обследовать холодильник. Виолетта занималась своим «Зеленым Раем» и не донимала ее расспросами. В коттедж Камилла вернулась с корзинкой, наполненной деликатесами. Она разделала мясо, чтобы потушить его по-французски. Приправила красным луком, перцем и щепоткой лаванды, добавила молодой картофель и сунула в духовку. Конечно, ее подопечные получили свою порцию. Для приготовления свежих салатов час еще не настал, и она занялась шоколадным кремом со свежей земляникой.

Покончив с этим, она вытащила тяжелый дубовый стол в сад за домом, покрыла его скатертью в сине-белую клетку, разложила на ней серебряные приборы своей матери. Подумав, достала серебряные бабушкины подсвечники и нарвала букет сирени. Ранним вечером здесь будет приятная тень, а позднее она зажжет свечи.

Камилла заглянула в духовку, бросила взгляд на часы и отправилась в ванную. Заинтригованные, Мисс Принси и Киллер уселись поодаль. Оба составили хозяйке компанию от начала процедуры до ее завершения.

Камилла сделала фруктовую маску, отлежалась в ванне, а потом оделась и принялась за макияж. Мисс Принси немедленно вспрыгнула на раковину, чтобы не пропустить ничего из завораживающего действа, а Киллер растянулся у ног Камиллы и захрапел со скуки.

— Может, он вообще не придет, — сказала Камилла кошке.

Мисс Принси подвинула губную помаду лапкой и проследила, как она падает на пол.

— Может, он не понял, что я хотела ему сказать этим подарком.

Мисс Принси обнаружила карандаш для губ, аккуратно взяла его в зубы и спрыгнула на пол. Камилла отобрала карандаш. Кошка тут же вернулась на раковину, чтобы подыскать себе другой трофей.

— Оставь, а то я не успею, — объяснила Камилла кошке. — Боб ничего у меня не отнял. Наоборот, он дал мне. Дал понять, что я еще могу что-то сделать. Пусть и не слишком вежливо. Я поняла это не сразу. И не сразу распознала кое-что другое. Знаешь что?

Мисс Принси посмотрела на нее своими янтарными глазами и сбросила на пол пудреницу.

— Что и он несчастен, — сообщила Камилла, поднимая круглую коробочку. — Он слишком упрямый... как и я. И слишком гордый, чтобы показать, какую рану нанесла ему его бывшая. И как тяжело эту боль превозмочь.

Кошка, подняв хвост, покинула ванную, и Камилла осталась наедине со своим отражением в зеркале.

— Но настает момент, когда человек должен принять решение, — сказала она себе.

Женщина, глядящая на нее из зеркала, лишь слегка напоминала знакомую Бобу Камиллу. Облегающее ярко-красное платье на тонких бретельках, туфли на высоких каблуках, подчеркивающие стройность ног. Она была еще очень худа, но под тонкой материей уже проступали округлые формы ее идеальной фигуры. Ярко-красная помада на губах, легкие тени на веках, удлиненные тушью густые ресницы... Эта Камилла была взрослее той стильной девочки, что когда-то отражалась в зеркале. В новой Камилле было больше глубины, больше зрелой силы. Она умела любить более страстно, но и горечь утрат она чувствовала сильнее.

Когда Боб остановил машину у дома, надувший губы Син не двинулся с места.

— Идем, Син. Хватит дуться. Я и так пошел тебе на уступку. Мне было бы лучше, если бы вы с братом оба работали на ферме.

— Знаю.

— Дай мне перевести дух. Знаешь, как дорого стоит чистокровная лошадь?

— Знаю.

— Мы все любим животных. Но никто из нас понятия не имеет, как содержать лошадь. Это тебе не собака или кошка.

— Знаю.

— Поработаешь месяц на конюшне, хорошенько узнаешь их, посмотришь, какой за ними нужен уход, вот тогда и решишь, все ли еще хочешь коня. Где твой здравый смысл?

— Пап, ты меня уже достал своим «здравым смыслом». Я все понимаю. Но я сейчас хочу лошадь, понимаешь, сейчас! — Син выскочил из пикапа, громко хлопнув дверцей.

Боб покачал головой. Подросток, что с него взять!

Боб вынул ключ зажигания и направился к дому. Уже неделю двое сыновей превращали его жизнь в ад. И дед от них не отставал. Все трое вбили себе в головы, что он пролетел с Камиллой. Все трое, оказывается, надеялись, что они поженятся. Оказывается, Макдагл-старший обожал Камиллу с детства, а близнецы видели в ней единственную женщину, с кем можно ужиться. Сначала Боб потерял дар речи, потом с возмущением заявил, что этого не будет, потому что не может быть никогда. Он отбивался от них каждый день, но ребята ничего не хотели слышать.

Боб хорошо знал, что женщину не удержишь возле себя ни деньгами, ни лестью. Для этого в мужчине должно быть нечто, чего у него не было. Это ему наглядно доказала Дэбби...

— Пап! — из дверей сломя голову вылетел Саймон. За ним Син, не менее возбужденный.

— Что опять случилось?

— Скорее! Нам надо тебе кое-что показать! Это в кухне.

Боб вошел в дом, ко всему готовый. Он уже привык к постоянным сюрпризам близнецов. Но к тому, что лежало на полу, занимая полкухни, он оказался не готов.

Боб поднял веко угольно-черного чудовища. Склера вроде здоровая. Пес моргнул и тяжело вздохнул. Это было единственным доказательством того, что он жив.

— Кто притащил в дом этого зверя? — Боб грозно глянул на Саймона.

— Ее зовут Гортензия, — затараторил сын. — У нее депрессия, потому что она потеряла хозяина. Она в смертельной тоске. И только мы можем помочь ей, пап. Особенно ты.

На Боба не произвела впечатления его пламенная речь.

— Кто принес этого зверя? — повторил он.

— Она особенно упирала на то, что Гортензии нужен ты, потому что ты классно умеешь прогонять грусть. Пап, давай оставим собаку? Пожалуйста!

Боб не стал спрашивать, кто такая «она». Еще раз окинув взглядом дога, он покачал головой:

— Мальчики, вы хоть имеете представление, во что вы меня втягиваете?

— Она сказала, что как раз ты и знаешь, как обходиться с такими несчастными

созданиями.

— Но это же дог! Собака практически неуправляемая!

— Она сказала, что ты умеешь найти подход к упрямым женщинам! — упорствовал Саймон.

— Пап, Камилла взяла реванш, да? — вклинился Син.

— Реванш женщины — вещь непредсказуемая. — Боб безнадежно махнул рукой.

— Так мы берем ее себе?

— Кого, Камиллу или Гортензию? — съязвил Боб.

Мальчики обменялись понимающими взглядами. Если уж с Камиллой не получилось, есть надежда хоть на Гортензию. А там посмотрим!

— Вы знаете, сколько еды поглощает дог? И как он воняет, когда мокрый!

— Ну и что, мы тоже.

На это замечание Сина возразить было нечего.

— Пап, — удрученно начал Саймон, — есть еще кое-что... — Он тяжело вздохнул и надолго замолчал. Если уж подросток не желает что-нибудь говорить, значит, это что-то важное.

— Выкладывай!

— Она сказала, что если ты не захочешь собаку, можешь вернуть ей Гортензию. — Саймон сопроводил свое откровение еще более тяжким вздохом. — Около семи. Она ждет тебя на ужин. Но мы же не можем навялить ей еще одну собаку, после того как отдали Дарби и кошку?!

— А если я не верну собаку, то и приходить не надо?

— Наверное, надо. Она сказала, что можешь прийти поговорить, с собакой или без. Но...

— Еще какое «но»?

— Кто-то ее здорово отделал.

Боб чуть не лишился рассудка.

— Что-о-о?

— Ты просто не узнаешь ее. Если все-таки пойдешь к ней на ужин, не говори, что она выглядит страшно, как модель с обложки. Она жутко расстроится, а я не хочу, чтобы Камилла расстраивалась. Не всегда же надо судить человека по его внешности!

У Боба отлегло от сердца:

— Сын, ты меня в гроб вгонишь!

— Она выглядит ужасно, — повторил Саймон, — но ты как бы не замечай. Она же уже ничего не может изменить!

Из описаний сына невозможно было сделать заключение о новой внешности Камиллы, и тем не менее Боб успокоился.

Без четверти семь Боб вышел из душа, выбритый и приодевшийся, но все еще не уверенный, надо ли ехать к Камилле. На это требовалось изрядная доля решимости. Последнюю неделю они виделись ежедневно, но Бобу, благодаря болтливым близнецам, удавалось отмалчиваться. Один он давно бы сбежал от ее испытующего взгляда.

И все же без пяти семь он сел в свой пикап. На этом настояли отец и сыновья. Нельзя же принять подарок без единого слова благодарности! Боб, конечно, мог бы свернуть на дорогу, ведущую в Белые Холмы, но все трое бдительно следили за ним из окна.

Ровно через две минуты он затормозил у коттеджа Камиллы. Кошка и пес лежали на

веранде и даже не дали себе труда посторониться, чтобы пропустить гостя. Он перешагнул через них и постучал. Тишина.

— Камилла!

Когда она открыла незапертую дверь, у него перехватило дыхание.

От потерянного изломанного существа не осталось и следа. Перед ним стояла уверенная в себе женщина в ослепительном красном платье, под которым явно ничего не было. Строгий крой подчеркивал округлые загорелые плечи, тонкую шею и ложбинку между грудей. Черные, в пол-лица глаза смотрели вызывающе. Всклопоченные лохмы превратились в изысканное каре, оттенявшее матовый блеск ее кожи. Рот полыхал греховным красным. Во всем ее облике было что-то настолько сексуальное, что сводило с ума. Ну, Боб-то уже давно был не в своем уме.

— Ты вовремя.

— Я старался. — Он передал ей бутылку вина.

Отец и близнецы убедили его, что явиться к ужину без вина — то же, что появиться раздетым в обществе. Его несказанно удивило, что мальчишки, которые не выносят женщин, придают такое значение этикету.

— Может, это не то вино...

— «Не того вина» не бывает. И прежде чем ты скажешь что-нибудь против дога...

Против? Что он мог сказать против? Сейчас он любил всех собак на свете и не смог бы отличить пуделя от пони. Он видел только Камиллу и не мог отвести от нее взгляда. Вот оно, то, чего он добивался. Здоровая женщина, готовая ко всем превратностям жизни.

— Боб, я знаю, что Гортензия была для тебя шоком, но...

...Но он понимал, что когда-то использовал несчастную потерянную женщину, и настал час расплаты.

Через открытую дверь были видны задняя веранда и сад. Там стоял накрытый стол, на котором горели две свечи. Боб чуть было не лишился рассудка.

— Что это значит? — невольно произнес он вслух.

Камилла проследила за его взглядом и улыбнулась.

— Это значит, что ужин надо есть горячим. Идем, все, что ты думаешь по поводу пса, скажешь мне за столом.

Она проводила его в сад, усадила за стол напротив себя, разлила по бокалам вино и стала наполнять его тарелку, но ее движения не были такими раскованными, как платье и макияж. И голос звучал хрипловато.

— Вчера я прошлась по лавандовому полю. И все во мне перевернулось. Еще недавно оно являло собой дикие прерии, а сейчас — ухоженную плантацию, которую нужно только оставить в покое. Обрезка и перегонной сделали свое дело. Лаванда вернулась к жизни. Дальнейшее уже от меня не зависит.

Боб уже собрался было отведать салата и аппетитно шкварчавшего мяса, но последнее замечание Камиллы выбило его из колеи.

— Ты собираешься уехать, не дождавшись урожая?

— Как я могу? Конечно, лаванда — начинание Виолетты, но разве ей одной справиться? Я не могу бросить сестру на произвол судьбы. Но речь сейчас не об этом. Я знаю, что мне понадобилась целая вечность, чтобы сделать этот шаг. Я жила как бродяжка во временном пристанище...

— Чепуха! Ты никогда не была бродяжкой!

— Ладно, ладно. Но близко к тому. — Боб не мог проглотить ни кусочка, зато Камилла ела с большим аппетитом. — Так вот, пока я бродила по полю, мне пришла в голову мысль, что розовое масло ценится выше лавандового. А вырастить плантацию роз куда сложнее, чем поле лаванды. Лаванде достаточно бедной каменистой почвы, немного перегноя и чуточку внимания. А розам надо больше. Но ведь ты и сам знаешь все это, Макдагл?

Светская беседа была милой и занимательной, но она уже начала действовать ему на нервы.

— Куда ты гнешь? — не выдержал Боб. — Чего хочешь?

Камилла проглотила кусочек мяса и запила глотком вина.

— Быть с тобой.

— Не понял.

— Тебе не нравится мое французское жаркое?

— С чего ты взяла?

— Тогда хотя бы попробуй!

— Что ты только что сказала?

— Что хочу быть... жить с тобой. — Камилла улыбнулась своей загадочной улыбкой. —

Я думала, ты все понял, когда я привезла тебе собаку и пригласила на ужин.

У Боба в горле застрял ком.

— Я знаю, что была эгоисткой. Всю весну я вела себя так, будто была единственной, кому плохо в этой жизни.

— Но тебе было плохо!

— Да. Я тосковала по Роберту. Это несправедливо, что он так нелепо расстался с жизнью. Я не знала, как справиться с чувством вины. А потом появился ты, с твоим сдержанным сочувствием. Ты не носился со мной — ты поносил меня! И был прав! — Камилла наклонила голову. — Я как лаванда, Боб. Если меня изнежить, я становлюсь слабой и нежизнеспособной. Но если мне дать шанс, я преодолеваю боль и становлюсь сильной.

— Ты говорила что-то о том, что хочешь жить со мной. — Боб не мог больше слушать ее философские разглагольствования.

— Подожди, еще дойдем до этого. — Камилла протянула ему кусок лавандового пирога Виолетты. Боб машинально положил его себе на тарелку. — Ты вернул меня к жизни. Но я была полной эгоисткой, заиклившей на себе. Я не видела, как ты страдаешь.

— Что?

— Что тебе тоже приходится оправляться от потери. Не меньшей, чем моя. Но ты должен был быть сильным ради твоих мальчиков. И тебе было труднее преодолеть свое горе...

— Мне нечего преодолевать!

— Боб, она круглая дура, что не ценила тебя! Мне ее даже жалко. Она спохватилась, да поздно! Я представить себе не могу, какая женщина, будучи в здравом уме, может пренебречь тобой! Она точно сошла с ума!

Боб не сразу понял, что речь шла о его бывшей жене.

— Так что о...

— Да, я любила Роберта, — проговорила Камилла, — и я благодарна тебе, что ты понял, потому что это много для меня значит. Но потом я встретила тебя, и ты открыл мне целый мир. Ты не отворачивался, а шел напролом, чтобы вернуть мне меня. И... и это самая прекрасная любовь на свете, о которой я не подозревала, но теперь знаю и буду бороться за

нее!

Камилла вскочила и бросилась к нему. И вдруг остановилась, не уверенная, нужен ли ему этот порыв. Не долго думая, Боб ринулся ей навстречу, обнял и усадил к себе на колени.

— Не хочешь меня поцеловать, Макдагл?

— Будь уверена, я тебя не только поцелую. Но сначала повтори, что ты там говорила о «жить с тобой»? Я не могу поверить, Милл!

— Я тоже, Боб. Но ты подвиг меня к этому!

Она крепко прижалась к нему. Боб наморщил лоб и, с трудом преодолевая застенчивость, проговорил:

— Я люблю тебя.

— Я тоже люблю тебя, Боб. И собаку, и кошку, которых ты навязал мне, и Гортензию, и твоего старика, и, конечно, твоих бесподобных мальчишек. И я не отдам вас никому. Особенно тебя, Макдагл! Никому и никогда!

Камилла наклонилась, чтобы поцеловать его, но Боб оказался проворнее. «Ты заслонил мне собою весь белый свет, — подумала Камилла, — но поверь, я сделаю все возможное, чтобы ты, куда ни посмотришь, во всем видел меня! Моя жизнь и любовь принадлежат тебе!»

Боб на минуту оторвался от ее губ:

— Я и подумать не мог, Милл, что буду нужен тебе, когда ты снова станешь сильной.

— Я снова сильная, Боб, и ты очень нужен мне. Надеюсь, это взаимно!

Боб зарылся лицом в ее волосы. Он был так растроган, что чуть не плакал. Камилла погладила его по щеке, и он с тревогой спросил:

— Но сможешь ли ты жить на ферме? Ты так любила город и свою работу...

— Чтобы работать, не обязательно жить в городе. По-моему, тебе требуется опытный специалист по маркетингу, чтобы найти рынки сбыта для лавандового и розового масла. Разве нет? А кто, кроме меня, сможет поставить хозяйство на научную основу? И кроме того, — таинственно прошептала Камилла, — у меня для тебя есть еще сюрпризы!..

После свадьбы молодая чета Макдаглов отправилась с Дэзи Лагранж в Прованс, на юг Франции, чтобы наладить деловые контакты и заключить выгодные сделки. А потом провести медовый месяц на солнечных пляжах Средиземноморья.

Оставшиеся в Новой Англии родственники ничуть не расстроились по поводу их отсутствия. Виолетта была счастлива, потому что ей предоставился шанс сбросить с плеч тяжкий груз ненужных ей забот, и с новым энтузиазмом занялась своими оранжереями. А двое четырнадцатилетних Макдаглов перестали шарахаться от нее.

Однако у них хватало и своих забот. Син объезжал строптивую Синди, а Саймон занимался капризной Гортензией. Или она им.

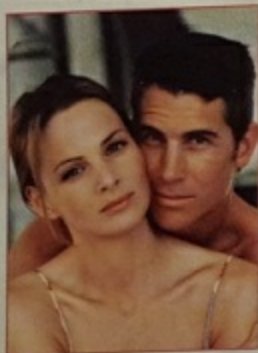
Макдагл-старший где-то потерял свою палку и стал прекрасно слышать любые звонки.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Выражи ЛЮБВИ

ИСПОВЕДЬ СЕРДЕЦ

Горькая лаванда

Камилла никак не может прийти в себя после трагической гибели мужа. Махнув рукой на свою жизнь, она углубляется в тупую монотонную работу. И даже не замечает повышенного внимания к своей персоне со стороны симпатичного соседа.

А Пит не видит ни растрепанных волос, ни заляпанной одежды Кэм. Он находит путь к ее зачерстлевшему сердцу — подсовывает ей несчастного лохматого пса, а потом и брошенную блохастую кошку, которым живетсЯ гораздо хуже, чем ей...

4 607107 220049 >

ВЛ № 7

ООО «Издательство Амадеус»
amadeus publishing moscow
129110, Москва, Гиляровского, 65
www.apmoscow.ru

амадеус
аматеус роин

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.